

ФАНТАСТИКА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИЛОТА #1

МЕДИА
КНИГА

The background illustration is a dynamic, comic-style scene. In the center, a soldier in a gold and purple armored suit with a helmet labeled 'BATE' is crouching and aiming a large, dual-barreled weapon. The background is filled with a chaotic battle scene, including other soldiers, a large mechanical structure, and a fiery orange and yellow sky. In the bottom left corner, a grotesque, green-skinned alien creature with a long, red, forked tongue is shown in a violent, bloody act.

**АЛЕКСЕЙ
РУДАКОВ
КОНТРАБАНДИСТ**

Алексей Анатольевич Рудаков

Контрабандист

Серия «Возвращение пилота», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43628027

Контрабандист:

Аннотация

Вольный пилот, кмндр. Поп – возвращается!

Не долго удалось Сэму Люциусу, он же Семён Светозаров, просидеть на честно завоёванном троне. Его давний враг – Древний, сумевший справиться со своей копией, вернулся в человеческую реальность полностью поглощённый жадой мести.

И вот Сэм оказывается в новой реальности – в такой, где совсем недавно закончилась война людей и разумных амфибий, или, говоря по-простому – жаб. Ещё одна разумная раса – инсекты, выбравшие нейтральный путь.

Начинать всё приходится с нуля – копейки на кармане, самый дешёвый звездолёт и... И новая вселенная, где предстоит выживать, заводить друзей и готовиться к главной битве своей жизни – бою с Древним.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	42
Глава 3	78
Глава 4	108
Глава 5	135
Глава 6	180
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Алексей Рудаков

Контрабандист

Глава 1

Мутное, молочно-серое, туманное небо над моей головой вздрогнуло и поползло в сторону, открывая белоснежный потолок. Несколько секунд я пялился на него, пытаюсь понять, что происходит, но ложе, мягко обнимавшее мою спину, совсем не разделяло такого созерцательного настроения. Мелко задрожав, оно, та его часть, что была под моими плечами, поползло вверх заставляя сесть, схватившись руками за невысокие стенки вытянутого узкого цилиндра.

– Как самочувствие? – Рутинно, словно из вежливости поинтересовался кто-то и, повернув голову, я обнаружил мужчину, наверное, средних лет – более точно определить его возраст было сложно из-за типичного облачения медика – брючки, халат, шапочка и маска на лице. Всё цвета бледной морской волны, приятной глазу после больничной белизны стен, пола и потолка.

– Эй? Ты меня слышишь? – Повторил он, подходя ко мне и профессионально щёлкая пальцами перед носом.

– Слышу, – дёрнул я головой и врач, кивнув самому себе, извлёк из кармана небольшой планшет, немедленно приняв-

шись водить по нему пальцем: – Рефлексы есть, слух есть, – негромко бормотал он, делая пометки: – Анализ ситуации, – задержав в воздухе нацелившийся на экран палец, врач перенацелил его на меня: – Ты кто?

– Человек, – отвечаю на автомате, разглядывая свои голые ноги: – А где я?

– Вопросы после, – его палец продолжил своё порхание по экрану и вернулся ко мне только спустя несколько десятков секунд: – Чего сидим? Подъём. Освобождаем место.

– Погодите, – помогая себе руками спускаюсь на тёплый пол выложенный белым кафелем: – Где я? Ничего не помню, – будучи не в силах вспомнить предшествующие события, чешу затылок, но это, увы, не приводит к положительному результату.

– Кто вы – помните? – Сунув планшет в карман, он, обойдя меня, подошёл к раскрытому цилиндру и вытащил откуда-то снизу стопку одежды: – Одевайтесь.

– Нет, – одеваясь, я потряс головой: – Ничего не помню, как в тумане всё.

– Пройдёт, – отмахнулся врач: – Амнезия. Обычное дело после респа. Иди сюда, – поманив меня за собой, он двинулся к двери, где и замер, нажав на неприметную, белую кнопку подле проёма. Панель сдвигается в сторону, открывая небольшой экран и врач показывает на него: – Прикладывай.

– Чего прикладывать-то? – Справившись с бельём я залез

в комбинезон, и запечатав липучками грудной клапан, сунул ноги в лёгкие туфли.

— Ну не... же! — Выругался он, но видя моё непонимание, смягчился: — Руку. Ладонь. Любую.

Экран налился светло оранжевым светом, стоило моей ладони коснуться его и по его поверхности побежали, выстраиваясь столбиком, буквы.

— Как читать не забыл? — врач подтолкнул меня к экрану: — Это твои данные. Изучай — они должны дать толчок памяти.

Должны, так должны... Убираю ладонь с наклоняюсь над экраном — очертания букв странные, но вполне читаемые. Глянем...

Там, где только что были мои пальцы, проявляется, заключённое в овал лицо и меня немедленно передёргивает, нет не от изображения, с ним после, откуда-то приходит воспоминание о могильных плитах, с которых смотрят тысячи точно так же окантованных лиц. И, что самое плохое, многие из них мне знакомы. Погибшие друзья? Победённые враги?

Бррр....

Прочь ненужные мысли. Сейчас картинка важнее.

Мужчина, лет так слегка за тридцать. Тёмно русые волосы коротко пострижены. Небольшой шрам на левой щеке — произвольно моя рука тянется к лицу, где, обнаружив его опускается вниз. Что-то смутно припоминается — блеск ножа, сумерки, тень какого-то ангара. Но, не более того. Глаза зелёные. Хм? Зелёные? Никаких ассоциаций. Ладно. Допу-

стим – это я. Ну хоть как выгляжу знаю. Так... Почитаем.

Семён Светозаров – это что? Моё имя что ли? В памяти всплывает какой-то Сэм Люциус – вроде меня и так звали. Когда-то.

Ещё ниже – короткая строка: – Пилот. Позывной Поп. Да, припоминаю, но как в тумане. Рука, та самая, что щупала шрам тянется к сердцу – там должна быть... Вернее когда-то и где-то была небольшая пластинка с короткой аббревиатурой – «Кмндр Поп». Коммандер Поп. Пальцы натыкаются на слегка похрустывающею от свежести ткань и рука опускается.

Ещё ниже – прочерк.

– Ааа.... Фришка, – у меня над ухом вздыхает врач: – Тогда ясно. На жаб нарвался, вот они тебе соломинку в известное место и вставили.

– Фришка? Жабы? – поворачиваюсь я к нему, и он, возвращает полный сожаления взгляд: – Не вспомнил значит. Фришка – свободный пилот, без корпы, союза, или иной структуры. Сам по себе, понимаешь?

– Понимаю, а жабы?

– Ну, родной, – чуть отстраняясь он разводит руками: – Я врач, а не лектор из общества Знание. Что мог – сделал. Дочитывай, – кивает он на экран: – И вали, у меня и без тебя дел много.

– Принято, – не желая напрягать этого, без сомнения, занятого человека, я возвращаюсь к экрану.

Читаю ниже прочерка.

Средства – пятнадцать тысяч std. общ. кр. – ну, тут ясно, пятнадцать тысяч кредитов. Стандартных и общих. Последнее немного смущает – раз есть общие-стандартные, значит и какие-то нестандартные имеются? Ок, после разберёмся. Не нуль и то гуд.

Дальше.

Аврора std. кмпл. – Хм... Ещё что-то в стандартной кмпл. Комплектации? Ну, допустим.

Ниже.

Страх. прем. – прочерк. Тоже ясно – застрахован я не был.

Смотрю дальше.

Статус нейтрал. – Ну да, ну да... Тут я ещё, судя по всему, врагов себе нажить не успел. Хмыкаю – вот уже чего-чего, а за этим дела не станет. С друзьями проблема, а вот с врагами...

Замираю. С друзьями? У меня были друзья? Нет, память приносит только обрывки смазанных лиц, силуэтов и всё те же могильные холмики с памятниками.

– Дочитал? – Голос врача прерывает мои копания в памяти.

– Угу.

– Тогда свободен, – он кивает за спину, где мой цилиндр, уже закрытый, наливается неприятным розовато-красным свечением: – Сам видишь, ещё кого-то ресать надо.

– Понял. Спасибо, – киваю ему и поворачиваюсь к двери,

створка которой начинает ползти в стену.

– Погоди, – уже держа в руках свой планшет, врач указывает им на мою левую руку: – Просто любопытство – у тебя что, мутация?

Оттягиваю рукав – там, чуть выше запястья зеленеет нефритом широкий, в три пальца браслет. Он словно вырастает из кожи, окольцовывая собой всю руку.

– Эээ... Ну да, – киваю я, не зная, что и ответить – идей, что это такое, у меня нет.

– Бывает, – косится врач на цилиндр: – Я тут такого рассмотрелся – скажешь кому – не поверят. Вон, пару дней назад, ресал одного, так у него обе руки – от локтя и до запястья, в костяных наростах. Военная мутация, – он ставит руки перед собой, словно готовясь отразить удар: – Для рукопашников. Чтобы блоки ставить.

Ничего не говоря молча киваю.

– Удачи, фришка, – врач отворачивается, подводя черту под разговором, и я покидаю кабинет.

За дверью обнаруживается просторный холл, по центру которого, в небольшом углублении – всего три ступеньки, расположено несколько скамеек, сиденья и спинки которых затянуты крупнойчеистой, весело блестящей металлом, сеткой. Меж ними стоят кадки с пышной растительностью, на стенах перемигиваются ничего не говорящие мне надписи, но...

Но моё внимание привлекает другое.

За ними, всего в паре-тройке метров от их дырявых спинонок, всю стену занимает огромное, мне приходится задирать голову чтобы увидеть верхний край, окно.

За ним, дыхание перехватывает, чернеет она.

Великая Пустота.

Пространство.

Космос – называйте как угодно этот безбрежный океан, расцвеченный искорками звёзд.

Во рту пересыхает, но я не могу оторваться от манящей своей бескрайностью пустоты.

– Что пилот? – Мне на плечо ложится рука и, преодолев зов Пустоты, поворачиваю голову. Рядом со мной стоит мужчина моего, или самую малость старше, возраста.

– Тянет? – Кивает он на окно, вытаскивая из нагрудного кармана пачку сигарет: – Будешь, пилот? Да бери, не робей, бесплатно. Как своему брату по пустоте не помочь?

Я киваю, разглядывая вышитую на кармане эмблему – сетка паутины, в центре которой висит крепыш-младенец и он, перехватывая мой взгляд, спрашивает, не тая сочувствия в голосе: – Амнезия? С респа только?

– С него, – вздыхаю, прикуривая от его огонька.

– Жабы, – пускает он дым в сторону: – Эти склизкие – такие. Мне говорили, – его голос понижается до шепота: – Что у них новое оружие появилось. Сбивает респ. Не сильно – перебить сигнал невозможно, но накидывает помех. У кого

мутации вылезают, не те, что покупали, а у кого, – следует кивок в мою сторону: – Память отшибает. Но официально, – его голос возвращается к норме: – Это всё враки. Инф война холодного чужого разума.

Не отвечая я затягиваюсь, продолжая коситься на его эмблему.

– Не узнаёшь? – его палец щёлкает по младенцу.

– Нет.

Его окурок летит в сторону, прямо на пол, но стоит тому завершить свой полёт, как выскочившее из-под ступенек нечто блестящее и многоногое, проносится над ним, и, секундой спустя, вместе с добычей исчезает из виду.

Качаю головой – нет, эта эмблема не вызывает у меня никаких ассоциаций.

– Торг корпа. С членами торгуем – медициной разной. Известны во всех кантонах, – он горделиво распрямляет плечи: – Я грузы тягаю. От чужаков к нам.

– С кем? С членами?

– С инсектами, ну с членистоногими, – поясняет пилот, качая головой: – Знатно тебя приложило – такую эмблему не узнать.

В другом его кармане что-то коротко пищит – раз, другой, третий и он, спохватившись, хлопает меня по плечу: – Бывай, фришка! Не вешай нос – руки, ноги, голова целы, а значит – будем жить! Удачи в пространстве!

– И тебе, – произношу я ему в спину.

М-да... Руки-ноги целы, тут он прав, но вот в остальном... Жабы? Инсекты? И первые – враги, а вторые, если ему верить – друзья? Кантоны ещё какие-то... Куда я вообще попал?!

Браслет на руке вздрагивает, словно желая привлечь моё внимание, и я задираю рукав.

Там, с зелёной поверхности, на меня смотри смайлик. Самый простой – двоеточие и скобка ниже.

Бред?

Он самый.

Меж тем, пока я пытаюсь понять, что происходит, смайлик как бы выдавливается наружу, формируя подобие лица – сознание начинает завлакивать зелёная дымка и едва успев сделать несколько шагов, падаю на сетку скамьи.

– Ну что, вольный пилот? – С нескрываемым ехидством ко мне обращается висящий в пустоте, пульсирующий нефритовый ком.

Станции нет – я стою, а ведь я точно садился, так нет – стою в круглом, чуть сплюснутом сверху и снизу помещении бледно зелёного цвета.

– Вспомнил меня? – Продолжает ком: – Нет? Хmmm... Похоже я перестарался с твоим переходом. Резко дёрнул... Сейчас исправлю. Вспоминай! – из его бесформенного тела выдвигаются тонкие ветки и наотмашь, глубоко рассекая ко-

жу, бьют по моему лицу.

Боли я не чувствую – вместо неё, и это много хуже простой боли, сквозь сознание проносится калейдоскоп воспоминаний.

Вот площадка моего первого космодрома – того самого, имени А. Нортон, метания меж систем на торговцах, чьи трюмы забиты различными грузами, карьера в Имперской Инквизиции, каторга на Рае, где я познакомился с разумной паучихой-Матерью, война с инопланетной расой, провал в прошлое и гибель корабля, чей корпус отливал золотом со всем экипажем на борту. Огонь очистительного аутодафе и...

Новые лица, новые похождения, бои, потери и победы.

Трон, куда я попал, убив последнего, Двадцать Седьмого Императора.

Радостные лица новых друзей и... Темнота.

– Вспомнил? – Ветви втягиваются назад: – Мой старый друг. Ну?

– Древний? Ты не...

– Не сдох? И не надейся, – принимается самодовольно пульсировать ком: – Та встряска пошла мне на пользу – видишь? – Он раздувается, словно от удовольствия: – Я стал сильнее! Скоро и эта реальность станет моей добычей. А ты, – из его тела вырастает вполне человеческая рука, если не обращать внимания на нефритовую расцветку: – Ты будешь наблюдать за моим восхождением. О да, ты, конечно

же будешь мне мешать, – палец грозит мне: – Но тем слаще будет победа, а, старый враг? Назад не просись – я хочу, чтобы ты увидел мой триумф!

– Скотина!

– Твой гнев меня и радует, и забавляет, – на боку кома появились, складываясь в улыбку губы: – Скажи, любезный мой враг, ты о смерти думал? Нет? А зря – она тебя ждёт.

– Все там будем.

– Это точно! Но ты – первым, – толстые губы кривятся в неприятной глазу усмешке: – Может у тебя есть пожелания? Как бы ты хотел умереть? Внезапной смерти не будет – это я обещаю. Могу утопить тебя в крови девственниц, или, если захочешь – вывести тебя на арену. Погибнуть под гром аплодисментов праздной публики – чем не геройская смерть? Или...

– Заткнись уже, мечтатель, – хмыкаю я: – Утомил. Победи сначала, – приподняв руку оттягиваю рукав обнажая браслет: – Забыл? Ты мне прямого урона нанести не можешь. А с наймитами твоими, а и сам разберусь. Так что – отвали. Надоел.

– Желание моего давнего врага – закон, – губы начинают исчезать: – Обживайся. Слабый противник будет мне не интересен.

Помещение окутывается дымкой и, в следующий миг, я обнаруживаю себя мирно сидящем на скамейке.

– Гражданину нужна помощь? – Мягким женским голосом поинтересовался зависший передо мной похожий на линзу дроид. Из его нижней части выдвинулось подобие турели и прежде чем я успел дёрнуться, выскочивший из неё зелёный луч быстро пробежал по моему телу.

– Нервное напряжение, – вздохнула машина и, в этом я был уверен, если бы у неё были руки, то она бы ими обязательно всплеснула: – Гражданин! Вы в предстрессовом состоянии! Немедленно примите Анинтентио! Патентованное средство, рекомендованное во всех кантонах! – Луч исчез и вместо него проявилось изображение какой-то желтой бутылочки: – Всего три капли в день и ваши нервы...

– Пшёл вон! – Машу рукой, отгоняя рекламного бота и тот, моментально смолкнув, летит прочь разыскивая следующую жертву.

В правом нагрудном что-то коротко пищит и я, хлопнув по нему ладонью, вытаскиваю на свет небольшой квадратик тёмного, практически чёрного стекла.

– Уважаемый гость, – над квадратиком появляется приятное девичье личико: – Мне очень печально, – она сложила брови домиком: – Но время вашей бесплатной парковки истекает, – рядом с ней появился серый диск, в котором заморгал красным небольшой сегмент – если принять диск за циферблат, то мне оставалось минут пять-десять: – Вы можете продлить парковку, – радушно улыбается она: – Всего за тысячу монет в час. Будем рады, если вы решите воспользо-

зоваться нашим гостеприимством!

– У меня всего пятнадцать? Сдурели – с такими ценами?!

Не обратив внимания на мои слова ровным счётом никакого внимания, девушка продолжила: Оставайтесь! Станция Корэгор рада гостям! Отдыхайте, а ваш корабль, – по её лицу пробежала короткая дрожь: – Аврора, площадка восемь, – новая дрожь – было понятно, что со мной говорит программа: – Будет ждать вас там! – Короткая пауза и она начала сначала: – Уважаемый гость! Мне очень печально...

– А уж мне-то как, – буркнув, я сунул квадратик в карман, поднимаясь на ноги. Следовало шевелиться – спонсировать Станцию из тех крох, что были при мне, шло вразрез со всеми имевшимися планами. Хотя, если не кривить душой, то и планов-то было – кот наплакал. Очень маленький кот, карликовый, следует заметить.

Найти корабль – раз.

Покинуть станцию – два.

И три... А вот три проходило по графе «там видно будет».

Найти зону посадочных площадок особого труда не составляло – на полу, стоило только сделать шаг из зала, вспыхнула жёлтая стрелка с цифрой восемь в паре шагов от ног. Чуть выше восьмёрки, напоминанием об истекающем времени парковки, проявился серый круг с красным сектором – шевели ногами, пилот, спешу, пока время не вышло!

Я и шевелил, пытаюсь, попутно разглядеть выставленные

за прозрачными витринами товары – стрелка, словно нарочно, вела меня сквозь торговые ряды.

Впрочем...

Почему нарочно?

Уверен, что её маршрут был именно так и проложен – предоставляя отбывающему массу возможностей облегчить свои карманы перед взлётом.

Но, будучи откровенным, надо признать – посмотреть здесь было на что.

Витрины с моделями кораблей, чьи непривычные моему взгляду обводы притягивали к себе глаза хлеще иного магнита. Оружие, одежда, техника, причём последняя, судя по обилию колёс и суставчатых лап, предназначалась для покорения любых поверхностей. Рядом с машинами, напоминая о хрупкости человеческого тела, красовались скафандры, в том числе и боевые. Последнее было видно по узким смотровым щелям шлемов и обилию бронепластин покрывавших их поверхность.

Всё это прерывалась небольшими забегами, закусокными, рюмочными и прочими заведениями, мимо которых я стремился пройти побыстрее и не дыша – уж больно соблазнительными были запахи, исходившие от незнакомых блюд и напитков.

Народу тоже стало значительно больше – мне приходилось лавировать меж людей, больше частью облачённых в такие же, как и у меня комбезы, украшенные различными шев-

ронами, нашивками и эмблемами, не говорившими мне ровным счётом ничего. Попадались и одетые в строгие костюмы личности, несомненно принадлежавшие к классу «белых воротничков», так же, как и все здесь, спешащие куда-то по своим важным и безотлагательным делам.

Пару раз дорогу пересекали целые семейства, готовые провести следующие дни на местных курортах. Их яркие одежды, вкупе с отчаянно галдящими детьми, не вызывали у меня ни на какие иных чувств кроме зависти – вот живут же люди, радуются жизни, семьи заводят, детей...

А я?

Мотаюсь, блин, как цветок в проруби, так и не сумев прибиться хоть к какому-то краю, где можно было бы пустить корни. Тоже мне – спаситель вселенных, Поп – герой галактики! Или, галактик, что ещё хуже!

Поворот, я во все глаза следил за своим указателем, и тот замер перед небольшим тамбуром, над которым желтым цветом были выведены цифры шесть, семь и восемь.

Пожав плечами, стрелка сохраняла неподвижность, я шагнул внутрь, занося руку над небольшим, торчащим из стены, экраном, как сзади донёсся громкий крик, адресованный несомненно мне.

– Стой! Сдурел?!

Сзади, не доходя пары шагов до створа тамбура, стоял грузный мужчина в светло синем комбинезоне с вычурной

эмблемой на груди. По виду та напоминала человечка, окружённого чередовавшимися вопросительными и восклицательными знаками, не давая никаких идей касательно своего владельца.

– Я к кораблю иду. К своему. На восьмую. В чём дело?

– Вот прямо так? – Смерив меня взглядом он достал платок и принялся обтирать лицо: – На самоубийцу ты что-то не тянешь.

– Что не так? – Выйдя к нему, стрелка немедленно выбросила вверх показывавший без пяти двенадцать циферблат, я вопросительно посмотрел на него: – Там мой корабль. На восьмой. Стоит.

– Ага. Стоит, – передразнил он меня: – А заодно и вакуум. Лежит. Куда ты без скафандра?

– Там что, вакуум? – на тамбуре не было никаких предупредительных надписей или знаков, обычных для подобных мест.

– Да, – закивал мужик, продолжая вытирать лицо: – Чистейший и свежайший. Хочешь его попробовать? Не советую – вредно для здоровья.

– Да я в курсе. Просто привык, что корабль в закрытом доке стоит, с атмосферой. А вот так, в пустоте, – развёл я руками: – Как-то странно.

– Ты просто сел? Без сервиса?

– Просто. Да и не садился. С ресалки только.

– Ааа... Тогда понятно. Пошли, – развернувшись, толстяк

потрусил прочь от тамбура, так внезапно оказавшегося шлюзом: – Пошли-пошли, поманил он меня рукой: – На таймер забей, – видя мой опасливый взгляд, брошенный на циферблат, где до полуночи оставались считанные минуты, отмахнулся толстяк: – Полчаса сверх срока не критичны. Штраф начнёт только с тридцать первой капать. А нам и десяти хватит.

– Иду, – кивнув, понимая, что вариантов нет, я последовал за ним.

Идти до его лавки долго не пришлось. Хозяин, а в том, что спина, закрывавшая собой весь обзор прямо по курсу, принадлежит именно владельцу очередной торговой точки, сомнений у меня не было. Повидал я таких, кхм, внимательных, да заботливых на своём веку – более чем следовало, повидал, спасибо памяти, так радушно возвращённой зелёным поганцем. Вся их доброжелательность была прямо пропорциональна величине, вернее сказать – толщине кошелька, стремясь к нулю по мере его истощения.

Минуты две и он, чуть отступив в сторону, приглашающе махнул рукой указывая на витрину, поверх которой красовалась светящаяся надпись: "Крайний Шанс".

М-да, мысленно, чтобы не спровоцировать резкое повышение цены, услышь он подобное, вздохнул я – название лавки просто блистало верхом новизны и оригинальности.

– Заходи, заходи, – нырнув внутрь, толстяк ещё раз приглашающе махнул рукой, указывая на проём, образовавшейся прямо посреди прозрачного полотна: – Время же тикает, – озвучил он заботу о моих финансах, несомненно желая быть первым, устроившим им кровопускание. Но поспешить действительно следовало – на последовавшей за нами стрелке, так же не желавшей упускать свою добычу, уже наливался недовольной краснотой кружок-циферблат.

Убедившись, что клиент внутри, хозяин наклонился над ящиком, одним из многих, стоявших у дальней стены, и принялся в нём копать, бросая на меня короткие, оценивающие взгляды.

– Вот, – не прошло и минуты, как он распрямился, держа в руках серо стального цвета комбез, отличавшейся от моего только наличием шлема. Шлем более всего походил на те, что носят гонщики. Массивный, составленный из острых линий и рубленых сегментов прозрачного забрала, он сильно контрастировал с плавными линиями образцов, виденных мною ранее.

– Владей, – перебросил толстяк скафандр мне: – Имперский. Старые мастера делали. И цена божеская – всего три тысячи.

– Три?! А дешевле нет? Старая же модель, – попытался я сбить цену, демонстративно принохиваясь к прокладке. Странно, но защитный костюм пах только новым пластиком.

– Дешевле? – Без боя торгаш сдаваться не желал: – Как нет? Конечно есть. Гроб называется. Его тебе Станция предоставит. Бесплатно. – Коротко хохотнул продавец: – Бери-бери, новый он, – видя мою нерешительность он часто кивал, разводя меня на покупку: – Я тебе ещё бонусом сухой смеси дам.

– Сухой смеси? – В памяти всплыла эмблема пилота корпорации: – Детской еды что ли?

– Воздуха. Без жратвы ты протянешь, а без воздуха, – не договорив, он вытащил из того же ящика планшет и протянул мне: – Бери. За качество отвечаю. Мне, знаешь ли, трубы на площадке не нужны. Бизнесу они вредят, – сказав это хозяин жизнерадостно заржал, радуясь своей шутке.

Я молча кивнул. Ну да... Околею здесь, так ведь реснусь и, первым делом сюда. На разборки.

– Дыхалка, – в его руках появился небольшой цилиндр – не более пары сантиметров в диаметре и пятнадцати длиной: – Двадцать таблеток – двадцать часов жизни, – многозначительно покачав у меня перед носом оранжевым столбиком он сноровисто запихнул его в неприметный кармашек на левом предплечье.

– Индикатор в шлеме, – начал он краткий инструктаж, едва моя ладонь отлипла от планшета: – Слева – наружная среда, справа – внутренняя. Зелёная хорошо, жёлтая – паршиво, красная – ну ты сам понимаешь. Имперский же, а там

сложностей в подобных делах не любили. Залезай. – Потянув за петельку на груди моего приобретения толстяк распахнул костюм и придержал его, пока я забирался внутрь.

– Порядок, – похлопав по груди, словно желая надёжнее запечатать клапан, хозяин отошёл назад, любуясь мной – обязательный ритуал любого торгаша, после которого следуют заверения в вечной дружбе и просьбы не забывать едва-едва сводящего концы с концами новоявленного друга. Мои предчувствия полностью оправдались с той только поправкой, что прощание вышло на удивление коротким. Еще раз окинув меня взглядом, он довольно кивнул и махнул рукой на стрелку, где прямо-таки алый от нетерпения сектор уже занимал первую четверть часа.

Молча кивнув, времени и так не было, я что есть сил рванул к шлюзу, чтобы менее чем через минуту уже вжать ладонь в торчавший из стены экран.

Короткий лязг опустившейся пластины, свист воздуха и левый огонёк, всё это время, составлявший компанию своему близнецу справа, налился красным.

Беззвучное дрожание пола и дальняя стена исчезает, проваливаясь вниз.

Всё.

В открытый проем заглядывают звезды и осторожно перебирая ногами – чёрт его знает, когда я последний раз выходил в пустоту, покидаю чрево Станции.

Раскинувшаяся передо мной платформа была густо усеяна кораблями. Каких тут только моделей не было!

Боевые, чьи тела походили на наконечники великанских копий. Транспорта с корпусами, составленными из сфер и кубов. Большие и средние, гладкие и похожие на ежей из-за множества антенн – вот честно, имей я чуть больше времени, то обязательно бы потратил всё что есть, без остатка, глаза на образцы неизвестных мне культур.

Но вот его, времени, то есть, как раз и не было. И точно бы мне налететь на штраф, если не помощь жёлтой стрелки. Стоило мне только ступить на поверхность посадочной палубы, как она, немедленно проявившись передо мной, изогнула своё тело, указывая нужное направление.

Следуя за ней и лавируя меж диковинных кораблей, я быстро нашел свой. Действительно быстро – циферблат показывал всего два десятка минут опоздания.

Не буду кривить душой уверяя, что я ожидал увидеть нечто эдакое. Нет, душой-то я, конечно надеялся, что Аврора окажется чем-то крупным, если и не сравнимым с крейсером, наподобие сгинувшей Анаконды, то хоть чем-то достойным и тянущим на... Ну хоть на штурмовик, или перехватчик. Но то – душой. Разумом я понимал и был готов принять совсем другую картину.

Надо ли говорить, кто вышел победителем в этом споре? Мой корабль, чьё гордое имя мало соответствовало уве-

денному, однозначно подтверждал победу холодного расчёта.

Крохотный – метров десять длиной корпус, бывший на более двух шириной, опирался на шесть тонких лапок, своими формами наводивших на мысль о стрекозе. Прозрачный кубик кабины, на треть утопленный в корпус, две пары треугольных крыльев в корме. Что ещё? Четвёрка дюз в корме, да парочка прутиков пулемётов, последние, словно стыдясь показаться на глаза, прятались под верхними крыльями.

Всё.

Поздравляю – вы только что ознакомились с внешним видом моего космического корабля. О своих эмоциях, шедших от сердца, я просто умолчу – повторение тех выражений вряд ли пойдёт мне плюсом.

Вход долго искать не пришлось.

На одной из лапок, той пары, что была ближе к кубику кабины, обнаружился знакомый экран и я, не сдерживая вздоха, приложил к нему перчатку.

От получения по голове немедленно откинувшимся люком, меня спасла только отменная реакция, выработанная во множестве переделок. И да, я хвальнось, а что такого? Себя не похвалишь – ну, дальше вы сами знаете.

Так вот.

Отскочив в сторону, я аж приоткрыл рот – сначала в недоумении, а потом и просто со злости. Какому дебилу пришло

в голову откидывать его вот так просто вниз – у меня идей не было. В отличии от множества вариантов того, что надо сделать с тем инженером и, заодно, с тем, повторюсь, дебилом, что поленился предусмотреть хоть какие-то предупредительные надписи.

– Могли бы хоть человечка, с люком по голове и искрами накарябать, – ворчал я, забираясь внутрь по качавшемуся люку, на внутренней стороне которого обнаружились ступеньки: – А перила приделать? Или я что? Балерун вам, яйцами тут трясти?!

Кабина, так же не блистала изысками, чем напоминала минимализм посыльного Вжуха из моей последней вселенной. Хмыкнув таким мыслям – ну надо же, великий Сэм уже категориями вселенных мыслит, я обернулся, отыскивая рычаг – ну не лететь же с распахнутой настезь кабиной? Но, как я не искал взглядом, подле проёма ничего похожего не было.

Зато была верёвочка.

Веревочка!

На космическом, блин, корабле!!!

Охренеть!

Но время тикало – до крайнего срока оставалось около пяти минут и я, матерясь во весь голос, потянул за чёртов шнур.

Люк, к моему облегчению, сноровисто пополз вверх –

признаюсь, я уже был морально готов тянуть его наверх вручную, но когда он влип в борт, то меня ждал второй сюрприз.

Лесенка.

Вернее – её ступеньки.

Они, все четыре, так и остались на месте, не спеша прятать свои ребристые тела от моих глаз.

– Это что?! – Моему возмущению не было предела: – А, если мне по грязи топать? Так что? Всю грязь, бактерии и насекомых разных – мне что сюда?! Дебилы! Козлы! – Не стесняясь в выражениях бушевал я и не заметив, как в шлеме, слева, загорелась зелёная лампочка, а кресло, подсунув мне под ноги неприметную подставку, плавно развернулось поднося меня к пульта.

– Восьмая! Аврора! – Стоило креслу замереть, как в шлем ворвался недовольный голос диспетчера: – Ты там что? Штраф захотел?

Подобное обращение меня не удивило и, тем более не напугало – покажите мне вселенную, где диспетчера вежливы, и я немедленно перемещусь туда, мечтая провести в подобном мире остаток своих дней.

– Не ори, – буркнул я, пытаюсь разобраться в органах управления корабля: – Взлетаю уже. Давай добро.

– Добро, тебе? – Голос диспетчера был полон возмущения: – Да таких как ты убивать надо! В детстве!

– Станция Корэгор, – кладу руки на рычаги и, максималь-

но нейтральным тоном, игнорируя его эмоции, обращаюсь к диспетчеру: – Здесь Аврора. Площадка восемь. Прошу разрешения немедленно покинуть посадочную палубу.

Говорю ровно и отчётливо – все переговоры пишутся, так было и в прошлых вселенных, так, скорее всего и здесь, а потому, если он мне не даст взлететь, то вот, пожалуйста, налицо задержка пилота, приведшая одного к выплате штрафа. Слова сами собой складываются в лишённые души казённые строки, но прежде чем я успеваю додумать фразу до конца, диспетчер сдаётся.

– Аврора, площадка восемь, – торопливо бормочет он, понимая, что время работает не на него: – Отход разрешаю. Начинаю разблокировку корабля.

Под моими ногами что-то щёлкает, и Аврора вздрагивает как конь почуявший ослабление узды.

– Начинаю подъём, – продолжает диспетчер, его голос исчезает, заменяясь приятным женским: – Уважаемые господа! Мы будем ждать вашего возвращения! Наш Каэгор сохранит ваш образ в своём сердце! Счастливого полёта и...

Не слушаю её болтовню.

К чему?

Обычное напутствие, записанное на плёнку, или кристалл – неинформативное и безликое. Мне гораздо более интересно наблюдать как проваливаясь вниз отдаляется платформа, отталкивая меня от себя посадочным лучом. Или силовым? Да, какая, собственно разница? Если они им же и сажают,

то – я припоминаю свои ошибки при прохождении узостей шлюзов родной вселенной, то да, мне здесь нравится. А как обзаведусь чем-то повнушительнее, понравится ещё больше.

– Блин! – Хлопаю себя по лбу, попадая по стеклу шлема и склоняюсь над пультом.

Шасси! Я же не убрал их!

Представать перед местными, опростоволосившись точно так же, как и в свой первый, самый первый вылет мне не хочется.

Здесь мне следует остановиться и прервать повествование коротким описанием кабины, сделать которое я позабыл, увлѣкшись взлѣтом со Станции.

Итак – кабина. Она же рубка, Центральный Пост и прочие, не менее громкие эпитеты места, где сосредоточено управление кораблѐм.

Увы, но ни один из перечисленных выше терминов применить к Авроре было решительно невозможно. Ну, посудите сами!

Кресло, в котором помещалась тушка вашего покорного слуги, размещалось посреди небольшого прозрачного кубика столь небольших размеров, что будь у меня желание, то я мог бы вытянутыми руками коснуться противоположных стен и потолка. За спинкой кресла, оставляя этой, с позволения сказать рубке, всего пару шагов свободного места, разместились переборка с люком. Заглянув внутрь можно было увидеть неширокую койку – сидеть на которой было бы про-

блематично – потолок высотой не отличался. Личное пространство пилота более всего походило на отсек капсульного отеля – таких было много в азиатских секторах моей родной вселенной. Пенал, гроб – берите любой термин, и он, более чем наглядно, опишет вам увиденное мной.

Впрочем, жаловаться мне не следовало. Мой первый кораблик, тот самый Сайдвиндер, или Напарник, на котором я забыл убрать шасси при первом самостоятельном взлёте, не имел и близко чего-либо подобного. А тут – койка! С пусть и тощим, но одеялом и даже! С подушкой!

Забегая вперёд должен сказать, что там же, в этой, pardon, каюте, был и сортир, размещённый в изголовье койки. Всего одно нажатие неприметной кнопки и изголовье откидывалось, открывая доступ к белому брату и нише крохотной, только под пару ладоней, раковины. Мои эпитеты инженеру, додумавшемуся до такого решения, несомненно сильно экономившему место, повторять не буду. Не хочу, чтобы вы, посчитав меня не пойми кем, отбросили данный текст куда подальше. Замечу только, что первое время я спал, переместив подушку на другой конец койки.

Но, вернёмся в рубку.

Рядом с подлокотниками, короткими – только-только локти положить, торчали две рукояти вполне узнаваемого вида и назначения. Левая, похожая на букву «Т», могла перемещаться только вперёд и назад. Сомнений тут быть не мог-

ло – этот рычаг отвечал за тягу двигателей. Правый же, чей вид был одновременно и фаллическим, и эргономичным, крутился как во все стороны, так и вокруг оси, что делало его предназначение более чем понятным. Ручка управления векторами тяги, или, говоря по-простому – штурвал, руль, или – джой. Джойстик, он же палочка радости, для опытных пилотов и источник поражений для неумех.

Между первичными органами управления расположилась и первичная же информационная система. Говоря простым языком – радар.

Вот только вид он имел, хоть и понятный, но непривычный.

Мне, привыкшему к плоским экранам, на которых проектировалось отражение окружавшей корабль обстановки, было удивительно смотреть на вспыхнувшую в области моей нижней, пардон, анатомии, сферу, где центральное положение занимала малюсенькая модель Авроры.

Не буду скрывать – когда у меня между ног начал расти этот шар, то я, позабыв обо всём прочем, вжался в кресло, спасая своё мужское начало. В дальнейшем, даже доподлинно зная о безопасности подобных проекций я всё одно вздрагивал стоило только радару начать свой рост.

Но, отставив сомнения и страхи в сторону, мне следовало признать удобство подобного варианта. Один взгляд – и всё ясно. Кто ниже, кто выше, левее, правее, а кто и разворот

закладывает, нацеливаясь на тебя, отчего приходится гадать о намерениях этого пилота.

На более продвинутых моделях, коими я обзавёлся гораздо позже, можно было даже ткнуть пальцем в заинтересовавший тебя кораблик, вызывая правее радара справку, детально описывавшую выбранный объект. Но моя Аврора, бывшая, как вы помните, в std. кмпл., ничего подобного не имела.

Ещё одной особенностью был левый экран, его проекция, разумеется.

На нём, в крайне упрощённом виде, была изображена Аврора – вид сверху. Перед носом и за кормой – по небольшой синей полоске, медленно наливавшейся густой синевой. По бортам, плотно к ним прилегая, шли два красные, горевшие ровным цветом. Понять, что это было просто.

Щиты и броня.

Вон же синие, темнеют.

Значит, что?

Элементарно – энергию набирают.

Радуюсь своей прозорливости, я сделал себе зарубку на память – раз они только начали накачиваться, то что? А то, что при взлёте, самое первое время после отрыва, рассчитывать мне на них не стоит.

– Так, значит, и запишем, – пробормотал я себе под нос: – Если что, то выразить надо едва оторвался.

Что ещё?

Да практически всё. Рубка Авроры особыми изысками не блистала. Единственное, о чем не упомянул, так это о небольшой панели с десятком разноцветных кнопочек, чьи небольшие прямоугольные тела были освещены изнутри. Располагалась она почти прямо над моей головой, самую малость, разве что, будучи смещённой вперёд. Собственно, поэтому и была она замечена мной только в самую последнюю очередь.

На каждой из кнопок были нанесены буквы – где две, где три, а где и четыре. Но вот понять, что именно они мне сообщали, я не мог. Сами понимаете – не местному, вот так сразу понять и осознать общепринятые здесь сокращения было сложно.

– Аврора! С восьмой! – Вопль диспетчера резанул мой слух в тот момент, когда я пытался понять значение очередной аббревиатуры. Мнвр – лаконично сообщала залитая бледно голубым светом плашка. Соседствовавшая с ней рядом, чей бок был украшен не менее загадочным Трм, проливать свет на своё и Мнвр предназначение тоже не торопилась.

– Аврора! Уснул что ли! – Повторный вопль диспетчера заставил меня бросить этот ребус и подавшись вперёд взглянуть в радар.

Хм... Вокруг было чисто.

– Диспетчер? Аврора здесь. Слушаю.

– Вот именно, что здесь! Здесь тебя быть не должно! Чего в створе завис? – Раздражение в его голосе смешивается с настоящей, не наигранной тревогой и я вновь вглядываюсь в сферу.

– Створ? У меня чисто. Диспетчер? – Звучащее в моём голосе непонимание, самое искреннее, замечу, вызывает у него тяжелый вздох.

– Лицуху вчера купил? Чёрт! Как же вы достали! Прочь поди – у меня лайнер вот-вот пойдёт!

– Так бы и сказал, чего орать-то, – кладу руки на рычаги, непроизвольно задерживая дыхание. Сейчас.

Решится.

Сон это или нет.

Рука, лежащая на тяге, слабеет – боюсь сознаться, но мне страшно. Страшно не от какого-то там лайнера – ну хлопнет он меня, и что? Реснусь. Это же сон? Нет. Мне страшно от другого – страшно, что сейчас заворчат, пробуждаясь двигатели, что кресло подо мной дёрнется, давя на спину, страшно от того, что всё это вокруг может оказаться реальностью.

Понимаете?

Реальностью, не сном.

Закусываю губу и, ощущая холодные струйки пота на своей спине, трудом толкаю ручку тяги вперёд. Пара негромких щелчков, возникнувших в шлеме как бы комментируют её

движение.

– Левее и выше! – Командует диспетчер: – И тяги, тяги, жаба тебя сожри! Ну?

Выжимая рукоять до упора отклоняю Джой.

Черт! Не сон это, не морок!

Звезды снимаются с мест и начинают свой бег вправо вниз.

Чёрт-чёрт-чёрт!

Не соврала, тварь древняя, не соврала, скотина – я и в правду не пойми где, закинутый сюда его стараниями. Кусаю губы – лёгкая перегрузка вдавливают меня в кресло, лишний раз подтверждая реальность происходящего.

Достал же, сволочь зелёная.

– Можешь стопорить, – в голосе диспетчера слышно облегчение, а мимо меня проносится нечто огромное, на чьём зеркальном боку я вижу отражение своей скорлупки.

И, заметьте, с убранными шасси!

– "Ха! А опыт-то – не пропьёшь!" – Накатывает на меня чувство гордости: – Диспетчер? Теперь порядок?

– Да. Можете следовать дальше. И желательно, – прорывается наружу его раздражение: – В другой сектор!

– Принято убираться вон, – не спорю с ним, не видя в этом ровно никакого смысла: – Только это, слышишь?

– Ну, – он напрягается, ожидая услышать в свой адрес по-

ток оскорблений и ругани, но я обманываю его мысли.

– Я лицеву не покупал. Сбили меня. Амнезия.

– Ой.

– Вот тебе и ой, – тяжело вздыхаю, надеясь разыграть карту сочувствия: – Жабы надули. Твари склизкие! – Замолкаю. Всё. Мои познания об этом мире исчерпаны и я, чувствуя себя стоящим на тонком льду, жду его реакции. Прокатит? Поверит?

Поверил!

– Ох ты ж! Извини! Не знал я! И сильно? Ну, с памятью! Эк тебя, брат, угораздило!

Мне стыдно пользоваться его добротой, но иного пути нет.

– Как отрезало. Имя и то прочитать дали – не помню.

– Прости, – его голос полон неподдельного сочувствия: – А я-то, дурень старый, решил, мол мажор выпендривается.

– Да норм всё, проехали. Врач сказал очухаюсь. Вроде у жаб этих треклятых, какое-то новое оружие есть. Такое, что...

– Тишиш! Умолкни, – перебивает он меня исчезая из эфира и заставляя гадать что это было. Тишина длится недолго – десяток секунд и справа от радара, там, где ничего не было, проявляется небольшой экран со схематическим изображением Станции.

– Это прямой канал, – возвращается он ко мне: – Ты хоть думай, что говоришь!

– Дык, не помню же я! Говорю – ресалка хоп! А в голове – пустота. Рулю и то на рефлексках. Вот и не ушёл поэтому – забыл, что надо.

– Эх, паря, – сочувственно вздыхает диспетчер: – И как ты дальше будешь?

– Не знаю. Может, – с надеждой в голосе прошу его: – Поможешь? А то ситуация – попа. С большой буквы «Жо». Волосатой и вонючей. Бабла нет, корабль – сам видишь, и главное – а делать-то что? Куда идти? Где тут, хоть самую малость, заработать можно? Ну, – запинаясь, добавляя в голос лёгкую дрожь: – Не в фермеры же мне идти?! Пилот я! Пилот! Как руки на рычаги положил, – отчаяние, дрожащий голос, паника – сейчас главное не переиграть. Слишком увлекусь и он решит, что в Авроре сидит истерик, сломанный происходящим, а тогда всё, конец. Кому охота с подобными слезливыми типами общаться?!

– Пилот! – Голос мой крепнет: – Руки положил – чую, моё это! Моё!

– М-да... Даже и не знаю, чем тебе помочь, – колеблется он, но удача на моей стороне и пару секунд спустя диспетчер решается: – А знаешь что? Иди в систему Шанхорн. Она соседняя с нами. Там, на второй орбиталке, приятель мой. Тоже диспетчер. Скажешь, что тебя Каул прислал. Это я. Он поможет.

– Система Шанхорн, вторая орбитальная, Каул, – повторяю я: – Мужик! Спасибо! Как чуть приподнимусь – про-

ставлюсь!

– Да брось ты, – покровительственно, с барскими нотками благодетеля оказавшего ничтожную услугу, отмахивается он: – Ерунда. Мы же люди – должны помогать друг другу.

– Точно. Отлично сказано, Каул! – Чуть-чуть лести не помешает: – Только вот... Что...

– Что?

– А как туда попасть? Я же ничего не помню.

– Эээ... Верно! Я и забыл про твою беду, – немного виновато произносит диспетчер: – Смотри. Панель над головой есть?

– Имеется. Тут кнопки с буквами.

– Ага, она. В ближнем ряду к носу ищи карту. Там «крт» должно быть написано. Видишь?

– Ммм.... Есть! – Искомая кнопка обнаруживается в левой части панели: – Жать?

– Да. Под ней, или за ней – «сст», «скрт» и «глк» Видишь?

– Ага. – Три кнопки с этими буквами стоят колонной за первой.

– Отлично. ССТ – карта системы. Сктр – Сектора, а...

– А ГЛК – галактики? – Перебиваю его: – Ого! Мы что всю галактику освоили?

– Не всю. Да, приятель, – вздыхает он: – Крепко тебя приложило. Так и про оружие то, – не договорив, диспетчер меняет тему, не желая качаться запретного: – Мы, человечество, обжили около тысячи миров. Императора, когда он жив

был, так и именовали – «Повелитель Тысячи Солнц». У жаб, я про известную информацию – где-то столько же. Плюс-минус. К себе они не пускают никого. Членистые, – диспетчер вздыхает: – Известно о двух десятках системах. Путь вглубь их территории закрыт. Но сейчас это не важно. Жми кнопку сектора. Сначала – карту, потом сектор. Сделал?

Делаю как он говорит и наполнение шара меняется.

Теперь в нём высвечены яркие точки, некоторые из которых обведены кружками. Одна, занявшая центральное место, горит особенно ярко – не составляет особого труда догадаться, что это система Корэгор – та самая, где я нахожусь.

– Ага. Сделал. Вижу соседние системы.

– Молодец. Прямо над нами – в кружке систему видишь? Ткни в неё пальцем.

– Готово. – Из центра вытягивается белая полоска и добежав до нужной звезды замирает, слегка подрагивая: – Линия появилась. Это что – курс?

– Он самый. Теперь жми кнопку системы.

– Есть! – Аврора возвращается на своё центровое место, но теперь от неё тянется вправо вниз желтая линия.

– Линию видишь? Выравнивайся по ней и топи газ. Как встанешь на курс и наберёшь скорость – она позеленеет. На ручке тяги, – диспетчер говорил торопливо, наверное, время, отведённое на отдых, заканчивалось: – Две кнопки под большим пальцем. Та, что больше – форсаж. Мелкая – системный прыжок. Это просто – разберёшься. Вот ещё что –

на ручке управления, внизу, под мизинцем, колёсико. Это масштаб радара. Полезно, особенно когда в узкости проходишь. Всё, пилот. Больше не могу – работа. Удачи тебе!

– Спасибо! Сильно помог! – Говорю это совершенно искренне – диспетчер, сам того не желая, вывалил на меня просто море информации.

Правый экран пропадает – сеанс связи закончен.

Ну и славно.

Плавно давлю на тягу, одновременно покачивая ручку управления – Аврора опускает нос, но я, непривычный к кораблю и её манёврам, проскакиваю мимо линии курса. Полоска, на миг моргнув желтым, опять наливается белым свечением.

Ладно.

Что он там про масштаб говорил?

Под мизинцем проворачивается похожее на шестерёнку колёсико, и тонкая полоска разрастается до приличных размеров трубы.

Во! Так гораздо легче.

Сбавляю газ и плавно, едва-едва шевеля джоем, загоняю её прямо перед собой. В сфере радара разумеется – за лобовухой всё та же чернота, лишь кое-где расцвеченная искрами звёзд.

Есть курс!

Труба наливается желтизной и я, на всякий случай убрав руку от джоя, выжимаю газ до упора.

Пошёл разгон – стенки трубы зеленеют – вот они становятся цвета выцветшей на солнце травы, затем оттенок перетекает в бледно салатовый и вот, всего несколько секунд и мои глаза радуется дружелюбный зелёный цвет.

Маленькая кнопка утапливается в рукоять тихо-тихо щёлкнув.

Короткая вспышка, звёзды вокруг вытягиваются в полосы, секунда, другая и всё возвращается на свои места.

Почти всё – впереди, прямо перед носом Авроры, висит кусок тьмы, заключенный в блестящий металлом овод, явно техногенного происхождения. Успеваю рассмотреть вереницу крохотных, на фоне этой махины, корабликов, неторопливо ползущих в сторону чёрной пелены, но тут динамики шлема оживают.

– Врата Шанхорна, – произносит безжизненный механический голос. Смолкает, но спустя секунд десять, проявляется вновь: – Врата Шанхорна.

Глава 2

Ручка тяги плавно ползёт вперёд, подчиняясь давлению моей руки и сопровождая своё движение тихими, едва слышными щелчками. Всего их восемь. Именно столько раз ручка должна будет дёрнуться в моей ладони прежде чем, пройдя весь путь до конца, замрёт, уткнувшись в ограничитель.

– "Странно, что восемь", – проскакивает в голове шальная мысль: – "Почему не пять? Не десять?" – Непривычно и нелогично, но... Ну да ладно – уверен, со временем и этот ребус раскроется передо мной демонстрируя простейший ответ.

Слева спереди сверкает короткая вспышка и, прямо из ничего, возникает корабль, как и я спешащий покинуть эту систему. По сравнению с моей крохой он просто огромен. Тонкая игла корпуса, где-то сзади расцвеченная вспышками дюз, несёт на себе множество прямоугольных контейнеров, облепивших её тело как пули в барабане револьвера. Пролетая мимо я прикидываю их размер и невольно качаю головой – ого, да в таком ящике Авроры три поместятся, ещё и места, свободного, останется.

Пилот, его фигурку хорошо видно в прозрачной капле, ничтожной на общем фоне корабля, поднимает руку в предупредительном жесте. Ничего удивительного – желая при-

смотреться к гиганту я невольно качнул джоем влево, под-
ходя к нему почти вплотную. Отрываю руку от тяги и машу
ему, одновременно отводя джой влево.

Расходимся.

Уф!

Пронесло.

– "Дурак!" – Отвешиваю себе мысленную оплеуху: – "А
впилился бы – тогда что?!"

Смерти я не боюсь – чего её опасаться, реснут же. Угу.
А потом? Представляя, какой штраф мне впаяют – при-
чём, заметьте, на совершенно законных основаниях, я нерв-
но вздрагиваю.

Нет уж... Лучше настоящая смерть, окончательная, чем
так, до конца жизни, или, блин, жизнью, на рудниках гнить.

– "Хм...", – короткой искоркой возникает в сознании
мыслишка: – "А ну как это торгаш?" – Кошусь назад, оки-
дывая транспорт оценивающим взглядом: – "А ведь такой
монстр добра ого-го сколько тащит," – юрко снуя по изги-
бам мозга он то тут, то там колет его своими вопросами: – "
Представляешь? Сколько ценного? Дорогого?"

Отгоняю её – я сюда не пиратствовать прибыл, но она, не
желая сдаваться, начинает нарезать круги внутри черепа, ис-
кушая меня соблазнами: – "Не пиратствовать? Ах-ах-ах...
Ну же... Подумай сам," – возбуждённо блестя начинает она
шептать мне на ухо: – "Транспорт. Грузовик. Без оружия.
Полный ценных ништячков. И без охраны! Это шанс! Раз!

Атака – и он наш! А Сэм? Или ты забыл, что был в Братстве? А, Люциус? Забыл, Красный причётник? Забыл, как транспорта вскрывал? А? Забыл?"

Трясу головой, пытаюсь выбить её оттуда.

– "Да мне и стрелять-то нечем! Оружие не работает", – я не вру. Скоба, размещенная где ей и положено быть – под указательным пальцем, никак не желала нажиматься. Это я проверил, причём, неосознанно, за секунды до того, как вжать кнопку прыжка.

Ну да, виноват, не сдержался. А с другой стороны – чего бы и не нажать? Впереди же – никого.

Выстрелов, как вы уже понимаете, не последовало. Вполне возможно, что стволы просто были на предохранителе, но тогда мне некогда было крутить головой, пытаюсь отыскать над собой нужную кнопку. Да и что искать? Как он здесь может называться? Ствл – стволы, то есть? Или волыны? Влн? А, может – Прдх? Предохранитель? Как-то не благозвучно – на "Да передохните вы все!" смахивает. А может так и задумано? Оружие-то – крайний способ решения споров.

Новые мысли оттесняют вглубь сознания юркую идейку, упрямо толкавшую меня на преступную стезю. Шансов на повторную атаку у неё нет – в каких-то нескольких сотнях метров колыхается тёмное полотно.

Вблизи оно уже не кажется непроницаемо черным. Ко-

рабль ползёт вперёд — я невольно сбавляю ход — ручка дважды вздрагивает в моей ладони и приглядываюсь к волнующейся поверхности.

Воронённые бугры, сталкиваясь и проходя сквозь друг друга, катятся куда-то вверх, но стоит мне отвести взгляд, как они, словно забавляясь, меняют направление на противоположное. Затем ещё раз и ещё. Не принимая их игры направляют взгляд прямо вперёд — ещё метров пять и нос моего корабля коснётся этой живой пелены.

Есть!

Касание!

Белая вспышка режет глаза, а когда зрение восстанавливается, то впереди равнодушно мерцают звезды.

Что? И это всё?!

В шлеме оживают динамики и знакомый безжизненный голос принимается бубнить:

— Врата Корэгор... Врата Корэгор...

Прибыли значит, киваю сам себе и, отклонив ручку вправо, выжимаю газ виражом уходя от Ворот.

Маневр выбрасывает меня на другую сторону кольца и рука, прежде чем в моей голове успевает сформироваться мысль, рвёт ручку тяги назад.

Змея.

Её толстое сегментированное тело изгибается, направляя на меня широко разинутую пасть. Вижу тёмно красную, с

тёмными подпалинами, плоть, белоснежные зубы, кинжалами нацелившиеся вперёд и алый тонкий язычок трепещущий меж их частокола.

Реверс!

Стучу ручкой тяги о нижний ограничитель.

Назад!

Нет! Корабль зависает и змея, заметив меня начинает поворачивать голову, косясь на Аврору мутным бельмастым глазом.

Чёрт! Реверс! Реверс же!

Как он тут включается?! Опять кнопкой?

Чёрт!

Поднимаю голову, но мой взгляд просто тонет в обилии проклятых сокращений.

– "Вперёд!" – Обжигает сознание спасательная мысль: – "Проскочу! На скорости уйду!"

Ручку газа – до упора! Щелканье режимов сливается в один слитный треск и меня впечатывает в кресло. Доворот... Плавно... Плавно, не дергаясь... Хорошо!

Большая кнопка – форсаж!

Вот теперь меня прижимает по-настоящему. На глаза опускается лёгкая пелена, но это неважно. Чуть повожу джоем, одновременно выкручивая рукоять вокруг оси и Аврора, послушная моей воле, описывает вытянутую спираль вокруг длинного и толстого тела.

Молнией несусь мимо существа – змея, понимая, что та-

кую верткую муху не поймать, раздражённо отводит пасть в сторону.

Фууухххххх....

Не расслабляться! Веду корабль впритир к ней – слева проскакивает её бок и там, прямо посреди квадратной чешуйки, вдруг обнаруживается широкое окно. Прежде чем оно исчезает успеваю заметить пригнувшуюся в страхе фигурку.

Человек?

Неприятный холодок пробегает по спине, опускаясь в желудок.

Человек? Окно?

Ухожу под змею и, отлетев подальше, сбрасываю тягу, разворачивая Аврору практически на месте.

О чёрт!

Антенны. Перепутать это тонкое плетение, выставившее из хвоста змеи, с чем-либо другим – невозможно.

Перевожу взгляд к голове и прикусываю губу.

Там светится приятным глазу жёлтым светом, раскрытый проём грузового люка. Усугубляя моё состояние к нему подлетает точно такая же Аврора. Вижу, как из её брюха выдвигаются тонкие ножки и кораблик, чуть покачиваясь на струйках маневровых, начинает спускаться внутрь.

Транспорт! Грузовик это!

Герой, блин! Стыдно-то как...

Отворачиваю прочь, спеша покинуть этот кусок про-

странства – вот менее всего мне сейчас хочется услышать пилота змеи. Представляю, какие эпитеты он подготовил для своей речи.

Прочь! Подальше отсюда.

Отлетев подальше – так, чтобы врата скрылись из виду, останавливаюсь. Очень хочется пить – но у меня ни воды, ни еды нет. Ладно, сглатываю тягучую слюну, перетерпим. И хуже бывало.

Кнопка крт – есть.

Кнопка сст – есть.

Пустая сфера радара преобразается прямо на глазах. Моя Аврора, сжавшись до точки, ползёт куда-то влево вверх, а на её месте – том самом, центральном, загорается колючий, бледно синий шарик.

Ага... Центральное светило, догадываюсь я и несколькими секундами позже довольно киваю, приветствую появление планет этой системы. Их не так уж и много – всего шесть.

Шесть небольших разноразмерных шариков, такого же, как и у их звезды, окраса. Из любопытства тычу пальцем в один из них, в третий – он просто ближе остальных ко мне и справа появляется экран со схематичным и крайне лаконичным изображением.

Глобус.

Сфера, рассечённая меридианами и параллелями.

И никаких пояснений.

М-да... А где название, описание? Пусть даже самое минимальное? Да уж... Вот действительно – std. кмпл. Ну хоть карта системы есть – и за это спасибо.

От моего кораблика, от точки, обозначающей его положение в пространстве, протягивается тонкий лучик, вторым концом касающийся планеты.

Нет, туда мы не полетим – вновь касаюсь шарика пальцем, и белая линия исчезает.

Ага. Отмена прокладки.

Неплохо – логично и просто.

Вместе с линией исчезает и экран, что так же вписывается в общую картину.

Что же... Понимая, что искать вторую орбитальную мне придётся самому, оббегаю взглядом планеты.

Ну так и есть.

Рядом со второй и четвёртой что-то поблескивает. Не раздумывая касаюсь искорки и справа, как старый знакомый, проявляется экран с глобусом.

Упс... Промазал – пальцы в перчатках слишком велики для таких тонких операций.

Придвигаюсь к карте и, оттопырив мизинец, тщательно целюсь уголком шва в звёздочку.

Есть! Попал!

Глобус исчезает, а вместо него проступают контуры орбиталки.

Ничего, надо сказать, необычного. Квадратный в сечении

брусочек с небольшой, но толстой пластиной сбоку.

Посадочная?

Там видно будет. Когда долетим.

Белая линия, не дождавшись отмены, оживает и её конец, оторвавшись от звёздочки, сдвигается, упираясь в пустоту, потом ещё раз и, словно решившись, начинает ползти прочь от платформы.

Ну, эта задачка мне по зубам.

Упреждение. Прыгать будем не туда, где блестит отметка орбиталки а в то место, где она окажется на момент нажатия кнопки. Что же... Молодцы те, кто создавал подобную систему – первый раз за день я мысленно кланяюсь неизвестным мне людям. Хорошее решение – выйду прямо перед платформой и не надо будет её догонять. Удобно. Респект вам, уважаемые.

Отключить карту – есть. Кнопки щёлкают и меня, на краткий миг, окатывает волной тревоги – увижу ли я линию курса? Всё же в первый раз сам прокладываю.

Уфф... Есть. На месте.

От вернувшейся в центр сферы Авроры отбегают белая полоса.

Отлично.

Шестерёнка под мизинцем весело трещит, заставляя линию курса раздаваться вширь.

Улыбаюсь – пошло дело!

Тягу на одно деление вперёд, ручку управления чуть на себя – прокладка зеленеет и не убирая с лица улыбки рывком бросаю корабль вглубь трубы. Ещё одно нажатие – теперь мой палец вдавливают большую кнопку, и я прикрываю глаза, сберегая их от вспышки прыжка.

Лёгкий толчок – прибыли!

Впереди висит Орбитальная Платформа номер два.

То, что я прибыл по назначению, подтверждают сразу две детали.

Во-первых, это вновь выскочивший правый экран – теперь знакомая картинка увенчана пояснительной надписью – Шанхорн, Орб. Плт. 2.

А во-вторых...

А во-вторых в моём шлеме появляется незнакомый голос и он, вернее сказать него обладатель, совсем не рад моему визиту.

– Ну? Чего припёрся?

Невольно морщусь – хриплый, прокуренный голос ржавым тупым болтом ввинчивается мне в голову.

– Здесь Аврора, – отвечаю максимально нейтрально, хотя мне хочется сорваться на грубость: – Прибыл из...

– Да мне похрену откуда ты прибыл! – Рычит диспетчер: – Похрену на тебя и на твоё корыто! Похрену – пусть бы ты даже на линкоре сюда появился! Вали отсюда, гонщик хренов!

М-да... А быстро тут новости разносятся. Ясно же – это

он про тот вираж у змеи говорит.

– Не виноват я. Амнезия, – поспешно бормочу, надеясь повторно разыграть ту же карту. Не срабатывает.

– Да хоть геморрой! С триппером на пару! Вали отсюда! Козззёл хренов.

Бедность его словарного запаса выводит меня из себя. Ну, блин. Нельзя же быть столь однообразным!

– Козлом твой папаша был! – Рывкаю в ответ: – Когда предохраниться забыл! Слышь, урод! Я-то улечу, но учти, вша под..., – следующее слово из моего обширного лексикона пропущу, лишь заметив, что сравнение с местом обитания упомянутого насекомого было крайне оскорбительным.

– А свой отросток запихни себе в глотку! Через задницу! Проворачивая! Я к Каулу метнусь – морду ему подрихтую. А ты здесь будь – жди меня, да задницу разрабатывай! Усёк? Козлина рыжая!

– Почему рыжая? – В его голосе чувствуется удивление: – Не рыжий я.

– Порыжеешь! А после поседеешь. Обещаю. Ну?

– Так тебя что – Каул прислал? – Видно, что он остывает. Уж не знаю, что тому причиной – выплеск раздражения, или мои слова.

– Он самый, – тоже успокаиваясь говорю я: – Амнезия. Ничего не помню. Увидел змею – испугался. Он тебе что – не говорил про меня? Не предупреждал?

– Амнезийный, – с облегчением вздыхает диспетчер: – То-

гда ясно. Нет, не говорил. Да и как скажет-то – у нас связи нет. Только курьерами записочки передавать.

– Не знал, – тоже испускаю вздох: – Не помню, то есть.

– Чёрт! Клянусь зелёным спасением!

Эта фраза мне не ясно, но я не переспрашиваю – успеется.

– Задал ты нам задачку, парень. Членики, когда ты на них рванулся, чуть в линьку не впали.

Молчу, лишь смутно понимая о чём идёт речь.

– Эй, ты здесь? Болезный? – В голосе диспетчера слышится тревога – ещё бы, возись потом с корабликом, внутри которого – труп. Покойник где-то воскреснет, а с железом что делать? Буксировать? Взрывать? Так чужая же собственность.

– Здесь я, – откликаюсь: – Прости, задумался. Ты, говоришь, в линьку чуть не впали?

– Ааа... Ты же не помнишь! Да уж, такого и врагу не пожелаешь. В линьку, да. Это типа сна, только долгого. На месяцы. А груз? Испортится же. И кто платить будет?

– Ну не я – точно, – сдерживаю усмешку: – Я их даже не задел.

– Это так, но вони ты наделал много.

– Да я сам напугался! Говорю же – вышел, а на меня – змея, с пастью. Зубастой.

– Это не пасть, это... Стой! Жди! – начинает он, но смолкает и возвращается ко мне спустя почти минуту. Теперь в

его тоне слышно неподдельное облегчение: – Повезло. И тебе, и нам. Ушли они. Торопились – груз же срочный. Даже жалобу оформлять не стали. Так, поскрежетали малость и свалили.

– Хорошо, – с моих плеч сваливается давившая на них тяжесть. Всё же, как не крути – косяк-то мой. Вполне могли бы и штраф впать.

– Так ты от Каула? – Переспрашивает диспетчер, но не дожидаясь моего ответа продолжает: – Работу ищешь?

– Её самую.

– А что можешь? Чему и где учился?

– Пилот я, – разглядывая свои руки, лежащие на рычагах, выдаю давно заготовленный ответ: – Летать умею. Это я помню. А вот остальное – нет. Может ещё чего и умею – не помню.

– М-да... Умеет старина Каул, скуку развеять. Ты хоть отчего реснулся? Что произошло-то?

– Жабы, – начинаю я, но появившаяся в голове идея заставляет внести коррективы в прежнюю легенду: – Мне так сказали. Сам-то я не помню. Так – одни обрывки. Вроде оружием владел. Воевал даже. Но вот когда и с кем – не помню. Грузы таскал. Откуда, куда и что – не спрашивай. Не отвечу.

– Понимаю, – его голос полон задумчивости: – Пилотов и охраны у нас хватает, – произносит диспетчер, словно колеблясь – как божий день ясно, что сейчас в его голове прокручиваются варианты моего использования и я уверен, что

большая часть этих планов лежит далеко за гранью законов.

– Сделай одолжение, – продолжает, явно что-то для себя решив: – Сгоняй на Четверку. Пива хочется жуть как. А там всегда свежее.

– Дык, на нуле я, – с сожалением развожу руками, стараясь быть именно тем, кого он ожидает увидеть – потерявшим память простаком: – А так – чего бы не сгонять, особенно когда хороший человек просит.

– За бабки не парься. Я свяжусь – пару кег так закинут. Дорогу найдёшь?

– Ну... Да.

– Вот и славно. Давай, приятель, мухой туда и назад. Сядешь, – он замолкает, прикидывая варианты: – Да без разницы куда. Скажут, как подойдёшь. Ну а в ангаре я тебя встречу. Лады?

– Принято! Выдвигаюсь немедленно, – по-военному чётко рапортую я, давая ему новую пищу для раздумий: – А у вас и ангар есть? – подняв руку принимаюсь нажимать кнопки активируя карту системы: – А то там, на Корэгоре, меня на площадке поставили. Пришлось скафандр покупать. В Шансе. Три косых отдал – всё что было.

– Там могут, – спешит успокоить меня диспетчер: – А в Шанс ты зря зашёл. Магний он такой – две шкуры даже с членака после линьки снимет. Всё. Конец связи. Жду тебя с пивом.

Разворачиваю Аврору ложась на курс и даю газ, пытаюсь

с первого раза попасть в трубу – хочется показать класс.

Удаётся.

Крохотная Аврора влетает в неё и прежде чем нажать кнопку прыжка небрежно бросаю: – Закуски приготовь, ща обратно буду!

Никаких засад на моём пути, что туда, что обратно не было. Всё прошло тихо, рутинно и обыденно, словно я уже сотни раз ходил по этому маршруту.

Стоило мне выйти из прыжка, как равнодушный тон местного диспетчера приказал приблизиться, затем застопорить ход и корабль, стоило ему остановиться, пополз в сторону площадки захваченный тяговым лучом. Посадка, опускание платформы, люк, чьи створки сомкнулись над моей головой, стоило Авроре замереть, всё это как две капли воды проходило на посадочные процедуры моей родной вселенной. Я даже покрутил головой отыскивая рекламные голограммы, но тут за моей спиной послышался лязг, скрежет чего-то тяжелого, что заволакивали в грузовой трюм моей крохи и, парой минут спустя, повторный лязг.

Понять, или спросить – что это было, мне не удалось – платформа поплыла вверх, выдворяя меня наружу.

– Могли бы хоть попрощаться, – недовольно ворчу, выставляя курс назад: – Ни здравсьте, ни до свиданья.

Прыжок и вот передо мной Вторая Орбитальная. Преж-

него диспетчера, того, с кем я так продуктивно пообщался, не было. Меня встретил хриплый женский голос. Подчиняясь её командам, не отличавшихся от услышанных на Четвертой, я мысленно удивился – и первый, и эта – оба были одинаково хрипыми. Что они здесь – болеют все что ли?

Луч, как и десяток минут назад, сноровисто довёл Аврору до поверхности платформы. Клацанье захватов, в прошлый раз я не обратил внимания на этот звук, и корабль двинулся вниз.

Не дожидаясь остановки начинаю выбираться из кресла, и оно, словно поняв, что полёт окончен, разворачивает меня к люку.

Прибыли.

Пол под ногами вздрагивает, отчего я хватаюсь за стенку, понимая, что поторопился с покиданием надежных объятий.

Люк начинает открываться и мне сразу становится ясно причина его такого своевольничанья – под моей ладонью дрожит туго натянутая верёвка. Прижал её не глядя – когда пол вздрогнул под ногами. Косяк? Хм... С моей, с личной стороны да. А вот если с другого бока глянуть – так профи же. Корабль ещё не остановился, а пилот уже готов выбрать-ся наружу – чем не показатель мастерства и уверенности в обыденности происходящего?

В открытый проём заглядывает тронутая сединой голова. – Ха! Ловко! – Голова благосклонно кивает и на лице появляется одобрительная улыбка, подтверждающая мои планы: –

Вижу, что не впервой садишься. Вылазь, – отступив, человек приглашающе машет рукой: – Глянем, чем Четвёрка нас сегодня порадует.

Выбираюсь наружу, прилагая все силы чтобы не свалиться с качающихся под ногами ступенек – вот меньше всего хочется так опозориться перед человеком, вызвавшимся помочь.

Уф!

Удалось.

Левый индикатор в шлеме горит ровным зелёным, и я растёгиваю скафандр, вытаскивая голову из шлема и отбрасывая пустой горшок на спину.

Втягиваю воздух.

Он насыщен техническими запахами – горечь сварки, мягкий аромат перегретой смазки, лёгкий привкус озона – этот коктейль, так хорошо знакомый каждому пилоту, приятно бодрит – и я не могу сдержать улыбку, которую тут же замечает диспетчер.

– Что, приятель, – хлопает он меня по плечу: – Домом пахнет?

– Им самым, – протягиваю ему руку: – Семён Светозаров. Можно Сэм. Позывной Поп.

– Сиам, – жмёт он мою ладонь: – Вспомнил? Меня Сиамом кличут.

– Не. Не вспомнил – так мне в мед центре сказали.

– Куришь? – В его руке появляется пачка и я без колеба-

ний вытаскиваю сигарету, принимаясь разминать её в пальцах.

– Куришь, – кивает Сиама: – А в ресалке тебе лёгкие чистыми дали.

– Привычка, – пожимаю плечами, прикуривая от его зажигалки: – Тут, – хлопаю себя по груди: – Может и чисто, но здесь, – стучу себе по лбу: – Что-то же осталось. Там, на Корэге предложили – сразу взял и закурил. На автомате.

– Во, приятель! – Сиама расплывается в довольной усмешке: – Это добрый знак! Раз помнишь, что курил, значит не всё потеряно. Вспомнил это – и остальное вспомнишь.

Киваю, выпускаю струйку дыма и разглядываю его лицо. Ничего особенного – мужик, лет так немного за тридцать. Лёгкая небритость, на голове и в щетине серебрится седина. Круги под глазами. Ни шрамов, ни каких-либо других отметок.

Бледно синий комбинезон. Над сердцем – вышитая белыми нитками эмблема. Небольшая ракета, испуская клубы дыма, не садится, не то взлетает с дружелюбно раскрытой ладони.

– Узнал? – Перехватив мой взгляд диспетчер стучит пальцем по ней, но появившаяся было улыбка пропадает, когда я отрицательно качаю головой.

– Лихо тебя, – вздыхает он, отбрасывая в сторону окурок: – Пошли, глянем чем нас порадовали.

Долго идти к грузовому отсеку не пришлось – Аврора, как вы помните, габаритами не блистала. Три – четыре шага и вот мы стоим перед нешироким люком в боку брюха моего корабля. Рядом – последняя, третья опорная лапка с таким же как и на той, что у кабины, экраном.

Прикладываю ладонь – ничего.

Странно. Это же мой корабль?! Прикладываю другую – реакция, вернее её отсутствие, та же.

– Да, – отодвигает меня в сторону Сиам: – Ты и вправду ничего не помнишь. Груз-то мой, – его ладонь касается поверхности и ту заливают дружелюбный зелёный свет. Короткий лязг – родной брат того, что я слышал на Четвёртой, и створка откатывается вбок, открывая взору грузовой отсек.

– погоди, – прихватываю его за рукав: – Груз твой, но корабль-то мой? Это что – я, его хозяин, и не знаю, что мне в трюм сунули?!

– Ну... Знаешь, или нет, – терпеливо поясняет он: – Это твоё личное дело. Хочешь – следи за погрузкой, нет – смотри в сопроводилровке на груз, или вообще не смотри. Твоё дело – дотащить из пункта А в пункт Б. Дотащить, – Сиам усмехается: – А не присвоить. Разницу улавливаешь? А то мало ли что? Вдруг какому пилоту приглянется что-то из доверенного ему?

– Понятно, – киваю, припоминая как раньше, в родной вселенной, ни раз и не два, действуя именно так, приватизировал себе, то пару бутылочек чего горячительного, то паке-

тик сушёной рыбки. Да кто же заметит? Десятками же тонн таскал. А тут – и такой облом.

– Вот, – назидательно бормочет диспетчер, заглядывая внутрь: – Честность – она лучшая политика. Согласен?

Я молча киваю – сказанное им не более чем проформа, все мы прекрасно понимаем суть вещей и, в этом я абсолютно уверен, не упустим свой шанс, если он подвернётся.

– Пааааберегись! – Его спина распрямляется и из трюма выплывает небольшая паллета – пластина полтора на полтора метра, плотно заставленная бочонками светлого металла.

– Ща глянем, – подмигивает мне с самым довольным видом Сиам, таща паллету за выдвинувшуюся из её тела рукоять. Отведя её от корабля на несколько шагов он что-то наживает на ручке и та медленно опускается на пол ангара.

– Так-с, – его руки быстро перебирают бирочки, тонкими верёвочками прицепленные к проушинам-рукояткам кегов: – Не то, не то... Ага! Вот! – Сорвав одну Сиам гордо показывает её мне: – Тёмное! С горчинкой! Четвёртая Дыра! – Поднеся бумажку к носу он шумно втягивает воздух, закатывая глаза: – Ммм... А запах! Ну Сэм! Обрадовал! Ща гулять будем! – Продолжая сжимать бирку в кулаке он, свободной рукой, выуживает из нагрудного кармана знакомый мне чёрный квадратик.

– Гарс! Гарсия, ленивая задница! Подъём! – Громко произносит он продолжая улыбаться во весь рот и держа подле него коммуникатор: – Просыпайся! Хватит дрыхнуть!

– Зачем орёшь, гринго? – Над пластиной проявляется сонная и взлохмаченная голова, судя по чертам лица принадлежащая латиносу: – Чего шумишь? Бар откроется... откроется, – зевнув парень, а этому Гарсу не более двадцати пяти: – Через четыре часа, – наконец сообщает он, покосившись куда-то в сторону: – Да и толку? Транспорт только завтра будет. Дай поспать. Отбой.

– Я те дам отбой! – Сиам сдаваться не намерен: – Быстро в третий ангар. Бегом!

– Чего ради? – Трёт глаза парень: – Я же сказал...

– Пиво здесь! Нашёлся добрый человек – сгонял на Четвёрку. Ну?

– Пиво? Привёз? – Взгляд Гарсии начинает медленно разгораться огонёк осознания услышанного: – Чё, правда? И какого лоха ты развёл?

– Не лоха, а нормального и не ленивого, в отличии от тебя, чиканоса! – Бросил он на меня весёлый взгляд: – Давай-давай! Руки в ноги и сюда!

– Сейчас, – бармен принялся тереть глаза кулаками, одновременно жалуясь на жизнь: – Никакого покоя, клянусь Зелёным огнём! Только подремать прикорнул, только сон сниться начал, так нет, проклятый гринго на работу гонит!

– Ты мне поной ещё. Чтобы мухой сюда! И учти – с одной кеги я бирку снял – мне, – он быстро поправился: – Нам из неё наливать будешь. И не дай Зелёный, разбавишь! Утоплю!

– Четвёртая Дыра что ли? Да и не разбавлял я никогда,

злые наветы это!

Сиам, не слушая далее его оправдания, сунул коммуника-тор в карман, разрывая соединение.

– Бармен он неплохой, – в его руках снова появилась пачка: – Это я так – острстки ради.

– Понимаю, – закуривая и отойдя к дальней стене принимаюсь разглядывать свой корабль.

Не, в общем-то Аврора неплоха. Мне уже начинают нравиться обводы этой крохи, и я прикидываю – вот движки бы по мощнее, стволы толще, да и щит сменить не помешает. Ясно же, что мне самую минимальную комплектацию подсунули, хотя, припоминая молодость, я и на первом своём позажигать сумел.

– Не переживай, – подошедший диспетчер легко угадывает ход моих мыслей: – Пилот ты бывалый, это видно, а такому на хорошую машину заработать просто будет. Дай только время, Сэм, всё у тебя будет. А пока, – берёт он меня под руку: – Пошли в бар. Посидим, потрындим за жизнь, глядишь и нарисуетса чё. Пошли, вот прямо жить не могу – как пива хочется. Пошли.

Антураж бара был вполне рядовым, ничем особым не выделяясь среди множества подобных заведений виденных мною ранее. На стенах, зашитых узкими полосами светлого дерева, размещались круглые матово белые светильники. Между ними, в нишах, изобразивших окна, размещались

подсвеченные изнутри картины. На них были изображены различные пейзажи – леса, цветочные луга, пара пустынь и даже спокойная гладь моря с белыми облачками на бледно синем небе. Как по мне, то вся эта мазня вполне соответствовала месту – затерянной чёрт его знает где небольшой орбитальной платформе.

– Нравится? – Заметив мой скептический взгляд Сиам покачал головой и утвердительным тоном, даже с лёгким нажимом, продолжил: – Вижу, что нравятся. Всем нравятся – это наш начальник – директор рисовал.

– Понял, конечно нравятся, – послушно и поспешно соглашаюсь. Зачем спорить – если я хочу здесь зависнуть, то критика подобных шедевров, вряд ли будет способствовать моей карьере: – Неплохо написано. Мне особенно море нравится – успокаивает.

– И это правильно, – подойдя к стоявшему в углу столику, Сиам плюхается на небольшой угловой диванчик, жестом показывая на стул рядом.

Я едва успеваю расположиться, как от барной стойки отлипает Гарсия. Причёсанный, в ослепительно белой рубашке с чёрной бабочкой и в тщательно отглаженных брюках тёмно коричневого цвета, он движется к нам, неся в одной руке объёмистый кувшин, а в другой поднос полный небольших тарелочек с закусками.

Расставив всё на столе и одарив нас неприязненным взглядом, бармен удалился за стойку, где немедленно принялся

дремать, полируя полотенцем пивную кружку.

– Не обращай внимания, – разливая тёмный напиток, хмыкнул Сиам: – Гарс он всегда такой. Закончил универ, имеет степень социологии, а вот ведь как повернулось – только тут и прибился. Давай, – пододвинул он мне кружку: – За знакомство.

Пиво было неплохим. Свежим, с насыщенным пряным ароматом и лёгкой горчинкой, приятным послевкусием, наполнявшим рот после глотка. Не сдержавшись сделал несколько глотков, хотя негласные правила хорошего тона, принятые в подобных заведениях и требовали не частить – всё же мы не нажраться, а поговорить сюда пришли.

– Хорошо, – отставив, наконец, кружку, позволяю себе выдохнуть и подхватив с тарелки незнакомый плод, он похож на желтый диск покрытый оранжевыми пятнами, переправляю его в рот. Слегка похрустывая на моих зубах он наполняет рот сладко кислым ароматом, отчего я невольно жмурюсь, отдаваясь непривычной вкусовой гамме – непривычной, новой, но, признаюсь, весьма приятной.

– Хорошо пошло, – видя мой блаженный вид довольно крикает Сиам, но вместо того чтобы приникнуть к своей кружке, отставляет её в сторону.

Ясно – пришло время разговору. Повторяю его жест.

– Ты – пилот, – появившаяся в его пальцах сигарета нацеливается на меня незажжённым концом: – И, наверное, солдат.

Молча киваю, выуживая из пачки сигарету.

– Грузы ты таскал, – продолжает он, прикуривая.

– Ну да, – прикуриваю: – А чего тут сложного? Цены сравнил, загрузился и вперёд. Это-то я помню.

– Помнишь? – Струйка дыма устремляется к потолку: – Странно, что помнишь.

– А что такого? – Понимаю, что ляпнул что-то не то, продолжаю спокойным тоном: – Здесь взял, куда вести – прикинул, ну, для страховки, цены там пробил. И всё – лети, гребі бабло.

– Пробил, говоришь? Это-то и странно. Нет, ты только не подумай, что я тебе не верю, нет смысла тебе врать, – Сиам делает глоток: – Но как ты цены-то пробивал? Меж системами прямой связи нет.

– Как это нет? – Теперь наступает моя очередь удивляться: – Ты что, отсюда с Каулом связаться не можешь?

– Почему не могу? Могу. С курьером записку передать. Врата они только материальные объекты пропускают.

– Да? – Я искренне удивляюсь: – Не знал.

– Это каждый школьник знает, – морщится он: – Обратный эффект какого-то там Гольца, или Хольца. Но ты говоришь, что торговал, пробивая цены в других системах.

Киваю.

Он снова морщится: – Такая технология была. До войны. Её в десятке систем тестили. Перед кольцом, с обеих сторон, вешали по спутнику. На него приходили все внутриси-

темные данные, ну те, что с пометкой для соседней системы. Спутник раз в десять минут отстреливал зонд с данными, понимаешь?

– Ага. Его ловили с той стороны и передавали информацию дальше?

– Именно. Дорого, сложно, но – работало. Знаю, вернее помню, что Император повелел все Врата оборудовать, но, – развёл руками Сиам и потянулся за кружкой: – Война. Фонды все на оборону ушли. Ну а после гибели Императора, сам понимаешь – не до того стало.

Он замолкает, и мы синхронно допиваем пиво.

Наливаем по новой, всё так же молча.

– Скажи, – подхватив с тарелки кусочек вяленного мяса, ну – мне хочется думать, что эта красная, с белыми вкраплениями полоска действительно из мяса: – А кратко, в двух словах? Что тут вообще происходит? Расскажи, а?

Сиам смотрит на меня непонимающим взглядом, и я продолжаю: – Может я и вспомню чего? Чёрт его знает – как эта амнезия работает, вдруг что-то цепанёт ну и, – не договорив, рисую в воздухе замысловатые фигуры: – Ассоциации там разные. Одно за другое зацепится, а там и всё вернётся.

– Зацепится? – Он кивает: – Давай попробуем, голова, она такая – вещь в себе, вдруг и вправду – сработает.

История человечества, рассказанная им, не шибко отличалась от уже слышанных мною в других вселенных. Ту

её часть, которая касалась до-космического периода мы, не споря, пропустили. Понимаю, что это было несправедливо по отношению к героическим свершениям минувших тысячелетий, но какой резон мусолить давно отгремевшие войны, где в споре за ничтожный, по нынешним меркам, клочок земли, сходились в жаркой схватке целые армии? К чему сейчас вникать в идеологические споры давно ушедших правителей? Если всё это и представляло интерес, то не нам, а учёным умникам, цель жизни которых и состоит в разгадывании подобных загадок.

Нет, наша история началась с момента выхода местного человечества в космос.

Немного покрутившись на орбите, люди принялись колонизировать соседние планеты. Не то чтобы это было нужно – родной мир был богат ресурсами, да и перенаселение особо не грозило, но тут сыграло свою роль самое простое любопытство.

Можем же?

Так вперёд, покорять пространства!

К счастью эта экспансия продолжалась недолго – прежде чем разочарование от никчёмности и затратности новых приобретений овладело умами, учёные разработали Врата. Технические детали Сиам не знал, да и признаюсь честно, мне эти подробности были не особо интересны.

Работает?

Отлично!

А детали оставим умникам и техникам – им за это деньги платят.

Первые Врата были нацелены на ближайшую звезду. Флот кораблей, собранный из экспериментальных исследователей и грузовиков, в чьих трюмах покоились разобранные на части вторые Врата подошёл к серой пелене, человечество задержало дыхание и – раз!

Первая Межзвёздная скрылась из виду.

Потянулись месяцы ожидания, наполненные тревожными слухами и напряжёнными спорами. Но вышел положенный срок и из Врат выскочил корабль, чей трюм был забит образцами диковинной фауны, флоры и всем прочем, чем с Первой Межзвёздной радушно поделились миры далёкой системы. Её так и прозвали – Первая, увековечив этим совершенный прорыв.

Эйфория – вот то слово, которым можно было описать состояние человечества. Звёзды, ещё вчера надменно блиставшие с небосклона и упивавшиеся своей неприступностью, пали к ногам людей, покорно ожидая любопытных гостей.

Родной мир напрягся, и в следующие столетия, разбросал по галактике сотни побегов, где жили и трудились свободные люди, почувствовавшие себя Гражданами Галактики. Преобразовалась и сама структура власти – пройдя через горнило споров на свет появилась Первая Галактическая Федера-

ция, объединившая в одно целое все миры-колонии.

Эта идиллия продолжалась почти две сотни лет. Развитие миров, колонизация новых, взаимопомощь и всеобщее процветание – Золотой Век закончился, когда разведчики людей выскочили в пространства, обжитые чужими.

И первыми, с кем они столкнулись, были жабы.

Амфибии, теплолюбивые, холоднокровные и похожие на лягушек.

Невероятно плодовитые и ставящие во главу угла везение, они, по началу, отнеслись к людям доброжелательно. Это был первый контакт с чужаками. Первый и мирный, несмотря на тревоги скептиков, немедленно повыползавших на белый свет.

Раса была интересной.

Удача, то, что определяло существование рептилий, пронизывало всё их сообщество. Повезло, что твоя икринка попала в удачное для развития место? Свезло, что тебя – головастика, не сожрала местная птица, или рыба? Оказался в числе счастливчиков, сумевших добраться до местного центра знаний? И так далее и тому подобное.

При массовом икрометании, а одна самка могла за раз выбросить до пары сотен икринок, такой подход оправдывал себя, формируя расу из жёстких особей готовых до последнего отстаивать свои права.

На всё.

На болотце, где можно нежиться в тёплой воде, на еду,

воздух, технологии и, что самое важное – на новые миры. Жизненное пространство – вот то, ради чего жабы шли на смерть ни во что не ставя свои жизни. Такой подход, первое время удивлял людей, привычно ставящих превыше всего ценность разумной жизни. Но объяснение подобному нашлось довольно быстро – идеология, основанная на принципах "Мне повезёт!" и "Я – Счастливчик!" доминировала в сознании амфибий, бросая их в смертельные атаки на вцепившихся в землю солдат человечества.

Но, прошу прощения, я забежал вперёд.

Радость Первого Контакта быстро сошла на нет – новые знакомцы отнюдь не спешили обмениваться технологиями, или торговать, считая человечество досадной, но незначительной помехой на пути своей экспансии.

Нейтралитет, никак документально не оформленный, жабы просто не понимали смысла в подписании и соблюдении каких-либо договорённостей, продолжался полторы сотни лет. За это время Первая Федерация успешно мутировала в Империю – ловкость рук группы политиков, сумевших убедить все миры в опасности чужих. Забегая вперёд стоит отметить, что они были правы, предугадав дальнейшее развитие ситуации.

Империя же, едва родившись и преодолев все положенные муки становления на ноги, взяла курс на милитаризацию, принявшись накачивать мышцы военной машины, что

положило конец Золотому Веку. Эти последние десятилетия – десятилетия мира, наполненного лихорадочной подготовкой к войне, отметились ещё двумя моментами.

Прежде всего – сменой религии.

Как это не дико звучит, но человечество встретило Творца. Да-да, его самого, создателя вселенной, всемогущего, всеведущего и, неожиданно – Зелёного.

Древнего, короче говоря.

Признаюсь, мне стоило серьёзных усилий чтобы не выдать себя. Эта зелёная сволочь, битая мной в прошлом, здесь объявила себя Творцом, нагло присвоил себе все бонусы Создателя! Нет, чёртова тварь точно испытывала моё терпение!

Всё же до конца сдержаться я не смог – но Сиам, видя, как я вздрогнул, лишь удовлетворённо кивнул и продолжил рассказ, приняв моё движение за реакцию на родившуюся в памяти зацепку.

Его слова о чудесах, продемонстрированных Древним, я пропущу – ничего особенного для создания, наделённого силой и знаниями нескольких реальностей.

Ну подумаешь, сменил класс звезды или в мгновение ока превратил мёртвый планетоид в мир полный жизни?

Пффф....

Чудеса, тоже мне!

Отсыпьте мне столько же знаний с энергией, да я вам и не такое устрою.

Но на местных эти трюки произвели нужный эффект, и зелёная скотина утвердилась в пантеоне человечества выпивав с Олимпа всех прежних богов.

Говорю же – сволочь он, хоть и Древний!

А вот после всё пошло кувырком. Нет, что угодно мне говорите, но я уверен, что всё произошедшее далее – творение этого поганого комка, готовившего вселенную к моему прибытию.

Лестно, конечно, но цена? Реки крови, океаны страданий и всё для того, чтобы я сыграл свою роль в его спектакле?!

Сделав в памяти очередную зарубку, я отпил пива, вновь обращаясь в слух.

Обычный, ничем ни примечательный день.

Обычная, окраинная планета.

Ничем не выдающаяся, разве что климат тёплый.

Колонизирована уже как полсотни лет.

Население в несколько миллионов – в общем типовой Имперский мир. Сонный, скучный и захолустный. Представили?

Был.

Пока в его небе не появились похожие на лепёшки корабли жаб.

Обрадовав жителей новостью, что их мир удачен для выведения на нем потомства, они, не дав обитателям и мину-

ты на эвакуацию, засыпали его равнины градом тектонических бомб, раскалывавших материки на части. Ещё не осела пыль от бомбардировок, как жабы принялись засыпать сотрясающуюся от землетрясений поверхность контейнерами с икрой, исповедуя свой принцип удачи.

Подобные атаки повторились ещё на нескольких мирах – с тем же, плачевным для человечества результатом.

Империя вступила в войну.

Можно было сказать, что военная машина была практически готова к отражению агрессии – в отличие от людей. И пока корабли выдвигались на перехват жаб, планеты охватило настоящее безумие. Уверен, что и к этому приложил свои псевдоподии мой бесформенный знакомый.

Про геноцид, вернее будет назвать произошедшее этноцидом, Сиам упомянул кратко. Разозлённые потерями люди кинулись вымещать свою злость на ни в чём не повинных лягушках, тритонах и прочих амфибиях, сделав их крайними в своих неудачах и только с большим трудом правительствам удалось остановить их гнев, предотвратив экологические катастрофы. Что же, это было знакомо. Не можешь дотянуться до обидчика – отыграйся на его более слабом подобии.

Миры, на которые жабы выбрасывали свою икру, было проще покинуть – уничтожение миллиардов крохотных шариков стоило дороже колонизации новой, но люди не сдава-

лись. Планеты, избежавшие бомбардировок, в основном это были тропические миры, становились полями боёв. Там, в сумраке влажных джунглей, или на поверхностях заболоченных равнин, сталкивались, в ожесточённых схватках противники. Одни уповали на свою удачу, а другие были готовы умереть, но не отдать родной мир чужакам.

Одна из таких планет и подвела черту под династией Императоров, приняв в безымянное болотце тело повелителя Тысячи Солнц.

По моему мнению погиб он глупо.

Не спорю, его смерть была героической, как и положено Императору, но безрассудно бросаться в атаку, увлекая за собой дрогнувший батальон? Нет, для этого и другие, менее ценные личности есть. Хотя, я вполне допускаю, что он просто искал смерти – Империя войну проигрывала, сдавая заинтересовавшие жаб планеты одну за одной.

Примечательно, что сразу после этого накал жабьих атак пошёл на спад, а там и вовсе затих. В начавшей трещать по швам Империи это объяснили яростью войск, рвавшихся отомстить за гибель повелителя, но я, услышав подобное, увидел здесь руку Древнего, разыгрывавшего очередной раунд своей интриги – раздробленность человечества была ему только на руку – а, действительно, зачем зачислять меня в сильную команду?

Дальнейшее было, увы, предсказуемо – Империя распа-

лась на куски.

На кантоны, если брать местную терминологию.

Естественно, только исключительно ради местного населения, уставшего от лишений военного времени. Бывшие Имперские наместники, губернаторы и оперативно перекрасившиеся политиканы – все они и скопом, и поодиночке возносили хвалу мирным труженикам, карабкаясь по их спинам к вершинам власти, не забывая лягнуть, а то и сбросить вниз, конкурента.

Всё произошедшее в дальнейшем тоже хорошо укладывалось в привычную канву человеческого поведения – увеличение налогов, обрезание свобод и всеобщее закручивание гаек. А как же иначе? Враги же кругом! И жабы, и соседи – все только и ждут как... Далее шёл хорошо знакомый перечень опасностей, готовых свалиться на людей, если они только посмеют шагнуть в сторону за пределы очерченного загона.

В общем – ничего нового.

Примерно в это же время, или чуть раньше, когда Империя ещё не развалилась на десятки кусков, появились и насекомые.

Инсекты, или членики, будучи естественным противниками жаб, предложили сотрудничество человечеству и исправно торговали с людьми, строго соблюдая правила заключённого нейтрального союза и не деля население по свежевозве-

дёнными границам. Последнее сильно не нравилось новоявленным властителям, но ничего поделать они не могли – товары члеников, особенно успешны те были в области медицины, пользовались колоссальным успехом и только совсем уж крайний кретин мог решить отогнать от себя подобное сокровище.

– Вот так и живём, – отставил в сторону кружку Сиам: – Держась подальше ото всех – от наших и от не наших. А ты как – вспомнил чего?

Задумчиво шевелю пальцами, одновременно раскладывая услышанное по полочкам.

– Может ты из жрецов? – он опустошает кувшин, разливая остатки по кружкам и машет бармену – повторить же надо.

Молчу, разглядывая пенную шапку на кружке.

– И погоняло подходящее – Поп, – кивает он своим мыслям: – Были у нас такие – боевые попы. Миссионерили, грузы таскали, воевали. Только все на той войне сгинули – первым эшелоном шли, ну и того, – Сиам развёл руками: – Сам понимаешь, вредно это для здоровья.

– А я значит – уцелел? – Смотрю на него поверх кружки: – Воевал – это точно. Правда, когда и с кем – не помню. И что проповедовал – не помню.

– Вспомнишь, – он чуть подаётся вперёд, буравя взглядом словно желая заглянуть внутрь моего черепа: – В каждом из нас есть спящий и он проснётся, нужный момент. Наверное, и у тебя так. Придёт время и всё вспомнишь. Так что – жди.

Глава 3

Некоторое время в баре царила тишина, нарушаемая хрустом орешков, стуком кружек, да похрапыванием бармена, умудрившегося задремать, не прерывая своего занятия – полировки несчастной кружки.

Сиам молчал, остужая натруженное горло частыми глотками, а я продолжал тасовать услышанное, пытаюсь выбрать наиболее выгодную для моей скромной персоны линию поведения.

Картина складывалась, надо сказать, не шибко радостная. Невооружённым глазом было видно, что на сей раз Древний весьма ответственно подошёл к поставленной задаче. Тут и жабы, явно доминировавшие в галактике, и культ Зелёного, направляющий человечество куда следует, и – бонусом, раздробленность людей, задавленных местными начальничками.

И тут я появляюсь. Угу. Герой, блин. Рыцарь без страха... Хотя нет. Вот про рыцаря не надо – был уже им. О принцессе мечтал. И что? Домечтался? Ладно, опустим сей период. Это было давно и... давно. Проехали.

Но, блин, как же обидно-то!

Опять начинать с нуля!

Вот нет бы мне сюда сразу принцем...

– «Угу. На белом линкоре, да?», – немедленно проявля-

ется моя скептическая составляющая: – «А лучше – во главе флота мега-линкоров. И, дружным залпом, Древнего того, в пыль. Да? И не мечтай, сам знаешь, куда мечты приводят».

С эти не поспоришь, и отодвинув подобные мысли как можно дальше, начинаю прикидывать варианты – нет, не победы, выживания.

Разыграть линию потерявшего память жреца? Неплохо, особенно принимая во внимание, услышанное про боевых попов, но... Но здесь культ Зелёного и чёрт его знает, как местные ревнители веры встретят конкурента. Не думаю, что с распростёртыми объятьями. А так и на костёр, или что здесь принято для борьбы с еретиками? Кол? Петля?

Не, не катит.

Значит эту дорожку отмечаем как опасную. Пока. Приподнимемся – видно будет. Судьба она такая, петли закладывать любит.

Другой путь – выживший в мясорубке вояка? Неплохо, но вечно на амнезии сидеть не будешь – подозрительно это. Отмечаем – не дай бог на выжившего сослуживца нарваться. Расколет моментом.

Торгаш? Где, с кем и чем торговали, уважаемый? И результат – тот же. Хотя торговаться я умею. Не люблю, но...

Криминал? Про местную теневую составляющую я вааааще ничего не знаю. Сленг, понятия, жесты и всё прочее – то самое, скрытое от обывательских глаз и позволяющее тёмным личностям узнавать друг друга с полуслова.

Минусуем.

Подводим баланс, да и кружка опустела – Сиам смотри на меня вопросительным взглядом, ожидая что я скажу.

Выбор не велик.

Фришка. Свободный пилот, ловец удачи и... И ничтожная при всех раскладах личность.

– Вспомнил? – Видя, что я начал возвращаться к реальности, Сиам поспешно подлил пива в полупустые кружки: – Ну что?

– Да ничего, – вздыхаю, делая глоток: – Обрывки. Много, но вроде свободным пилотом был. И торговал, и со жрецами якшался. Вроде. Воевал, но не в регулярных частях. Может в ополчении? – Про наёмничество не упоминаю – не знаю, есть ли оно здесь и как такой статус котируется. А ополчение – ну, вполне нормально.

Прокатывает.

– Все мы там были, – согласно кивает, отхлёбывая пиво собеседник: – Я вот тоже, когда жабы попёрли, за ствол схватился. Ладно, не переживай, – приподнявшись, он дружелюбно хлопает меня по плечу: – Настанет день, и ты проснёшься. Я в этом уверен.

– Угу, ещё бы дожить до него, дня этого.

– Доживёшь, – он весело подмигивает: – Как не дожить – доживёшь, – короткая пауза и оценивающий взгляд: – Если умных людей слушать будешь.

Кого он имел под столь лесной характеристикой было по-

нятно яснее ясного.

Энергично киваю, глядя на него полными почтения глазами выставляя на передний план полное согласие с его словами.

– Сделаем так, – мой вид убеждает Сиама что клиент созрел дляковки: – Сейчас пиво допей, – в его голосе звучат командные нотки: – И в корабль спать. А завтра работать начнём. Аврора, она, конечно, ни о чём, но мелочь таскать можешь. И монет заработаешь и, глядишь, память вернётся.

– Согласен!

– Вот и славно, – заметно расслабившись, он пододвинул мне тарелочку с закуской: – Угощайся, фришка. Сегодня я гуляю, а завтра ты банковать будешь!

Следующие несколько месяцев прошли под плотно забытым знаком торговли. Или курьера – тут уже решать вольны вы, уважаемые читатели.

Как по мне, то бывало по-всякому.

Иногда, при кратком рейсе, всего за пару тройку Врат, я брал в обратный путь выгодный груз, предварительно сверив цены. Их я фиксировал в отдельной тетрадке, корректируя и обновляя при каждом посещении Станции или Платформы. Понятное дело, что в неё я заносил не всё подряд, разумно отбирая именно то, что было выгоднее здесь купить, или продать в зависимости от конъюнктуры. Ясно же, что лезть к шахтёрам с рудой не лучшая затея, а вот если притащить им

свежих фруктов, или особо прочных буров, то гешефт может оказаться вполне удачным.

Минусом, правда, было то, что таких умников было много. Воз, с длинным рядом тележек.

Но был и плюс.

Моя единственная и неповторимая амнезия.

Ну кто откажет потерявшему память герою войны? Вот вы готовы отказать инвалиду, который, получив увечья, не кланчит милостыню, а сжав зубы в кулак, иносказательно, разумеется, мужественно зарабатывает свою копеечку?

Немало этому образу способствовал и мой скафандр. Кому как не ветерану войны носить старую модель, предпочитая новомодным системам проверенную огнём боёв Имперскую классику?

Вот.

И, смею заметить, сам я на этот статус не претендовал и не заикался о каких-либо предпочтениях.

Зачем?

Достаточно было чётко развернуться кругом, при встрече дёрнуть рукой, словно желая отдать честь, или, приняв заказ, коротко кивнуть, лаконично выдав заказчику: – Есть! Задача ясна! – И всё, остальное доделают догадки и слухи. Так что не надо подозревать меня в непорядочности и, или – в мошенничестве. Моя совесть была чиста, ну а что вы там себе надумали – дело исключительно ваше.

Не брезговал я и фрахтом. А что такого? Дотащить груз из точки А в точку Б, имея за эту несложную задачу гарантированное покрытие?

Да кто же от такой халявы откажется?

Покажите мне этого мазохиста?!

Прилетел, отцепил грузовой трюм – денюжка на счёт – кап. Ну а пока техники новый трюм прилаживают – я носом между тетрадкой и торговым терминалом вожу – ну не порожняком же назад идти. Иногда и кривым путём возвращался, когда фрахт в особо интересные места заводил.

Вот, например.

Привёз эмбрионы коров, или чего-то на них похожего, на Станцию, мир под которой славился своим мясом, а там – оп-па! Запасы силоса на нуле, а вот отходы коровьи, наоборот, того, зашкаливают. Тому, кто их заберёт даже доплатить готовы.

Ну как хорошим людям не помочь? Тем более, что на Станции уже ощутимо пованивать начинает несмотря на вентиляцию и освежители воздуха.

Сверяемся с тетрадкой и хоп!

Есть!

Всего в тройке Врат отсюда – агромир. Там эту вонючую субстанцию с руками оторвут – им удобрения завсегда нужны. Улыбка манагерам – те радостно трясут головами в респираторах, оформляя продажу, кивок техникам и ассенизаторский модуль занимает штатное положение.

Дальше пояснять думаю не стоит – прилетел, продал, а в новый трюм – силос для моих, уже практически любимых коровок. И ходу, ходу, пока другие из этой тропинки широченный шлях не растоптали. Иногда по две-три таких ходок сделать удавалось. Не всегда, конечно, такое было – было б всегда, был бы рай. Но, время от времени, Судьба подкидывала мне такие подарки – не отказываться же? Да и кредиты – они не пахнут. Особенно электронные.

Ах да, виноват!

У внимательного читателя, или слушателя, не знаю в каком формате это всё до вас дойдёт, так вот – у вас может возникнуть вопрос: – Какой трюм, пилот? Чего ты несёшь? Как это поменять – трюм?

Отвечаю.

Да легко!

Аврора, и в этом было её отличие от прочих кораблей, была настоящим памятником изобретательности местных инженеров.

Те, кто её проектировал, несмотря на некоторые косяки конструкции, я про входной люк, сортир и ещё так, по мелочи, в остальном справились на твёрдое Отлично!

Моя кроха действительно, по факту, многофункциональной машиной.

Судите сами.

Кубик кабины и отсек с койкой составляли первую треть

корабля.

Двигатели, ёмкости с топливом и крылышки, те самые, под которыми прятались прутики пулемётов – вторую. Хотя правильнее было бы сказать третью, кормовую часть корабля.

Между собой они были соединены широкой пластиной, балкой, хребтом – называйте как хотите, суть от этого не поменяется. А вот уже под ним располагался трюм – тот самый, в котором я приволок пиво для беседы с Сиамом. Его, этот грузовой отсек, можно было и вовсе не брать – лети себе налегке, а можно было прицепить нечто нужное в данный конкретный момент.

Хоть мирного, хоть военного назначения. Любой груз за ваши деньги. Сыпучий, твёрдый, жидкий, газообразный. Живой – с системой жизнеобеспечения, или замороженный – с холодильным модулем – не проблема. Техники разъёмами щёлкнут, запитывая отсек, суперкарго печатью хлопнет, фиксируя неприкосновенность груза и всё!

Шевелись, пилот! Ты ещё не взлетел, а заказчик уже недоволен!

Отдельно остановлюсь на военной модификации. В годы той войны Авроры, благодаря этой особенности, заслужили славу как самого массового корабля, участвовавшего во всех сражениях, так и машины, за рычагами которой погибло больше всего пилотов. Редкое столкновение проходило без

их участия – вместо трюма гроздь бомб на подвеске и всё – лети, свезёт – вернёшься.

Рулетка – та самая, когда из полного барабана вынимают один патрон. Брони-то нет, а поле – комару чихнуть.

Но они летали.

Бомбили зачумлённые икрой болота, пускали торпеды, прорываясь к плоским корпусам жабьих транспортов и гиб-ли, гиб-ли, гиб-ли.

От их применения отказались только в самом конце войны – за полгода до гибели Императора. Человечество, к этому моменту разжившееся кое-какими крохами чужих технологий – как жабьих, так и инсектоидных, сумел запустить в производство более продвинутые модели, уже вполне успешно конкурировавшие с техникой амфибий.

Производство свернули, а уже собранные распилили по складам где они и пылились, ожидая потенциальных капитанов – особым желание брать такой кораблик никто не горел.

Против Аврор работал и другой фактор – заводы, раскрученные войной на повышенные мощности, выпускали корабли десятками и рынок был просто перенасыщен другими моделями. Куда уж моей крохи деваться на фоне множества более защищённых и зубастых собратьев!

Посудите сами – более крупный её собрат, я сейчас говорю о многофункциональной составляющей, позволявшей настроить машину под свои нужды, так вот – старший собрат Авроры – Наёмник, или Фрилансер, стоил уже около

полтинника. Но тут и трюм был не на три, а уже на двенадцать тонн, нормальная каюта, отдельный сортир и гораздо более многообразное вооружение. И всё это всего за полсотни косых. Есть ещё бабло? Полторы сотни и вот вы уже в рубке Созвездия – тяжелого корабля, готового подстроиться под любой ваш каприз.

Эта машинка мне понравилась сразу.

Хотя нет, не так.

Мне нравились все, совершенно все местные корабли.

Фрилансер, в котором впервые были применены технологии члеников, радовал глаз плавностью своих линий, огромной, вытянутой овалом, рубкой и быстротой хода.

Созвездие...

Можно сказать, что я влюбился в неё с первого взгляда.

Крупная машина, строгие линии корпуса, огромный трюм, мощный щит и оружие. Ракетное. Моё любимое. Не скрою – я, по натуре, лентяй. Да, жизнь научила вертеть кораблём, загоняя цель в прицельную сетку, но куда как больше я любил швырять в противника не пучки когерентного излучения или увесистые слитки металла, а откинувшись в кресле пускать по его следу стаи ракет. Крохотные умницы сами отслеживали манёвры корабля, избавляя вашего покорного слугу от потения за штурвалом.

Пуск!

И смерть, сидящая в их боеголовках сама найдёт свою цель. А ты сиди, потягивай из банки холодное пиво, да лю-

буйся как враг мечется, пытаюсь скинуть со своего хвоста моих посланцев.

Хорошо-хорошо, про пиво я загнул. Не буду спорить. Но в остальном – чистая правда. Что поделать – ленив я.

В общем, в Созвездие я влюбился. Сразу, прочно и бесповоротно!

Одиннадцать ракетных установок, готовых одним залпом выплюнуть шестьдесят шесть ракет!

Собственно, за это корабль и получил своё название – противник, на которого пилот обращал свой взгляд, видел новые созвездия, возникавшие вокруг корабля в момент массированного пуска. Зачастую это было последним его наблюдением – от такого роя увернуться было невозможно, а сбить корабельным ПВО и подавно. Во время войны Созвездия тоже успели отличиться – модульная конструкция позволила их быстро переоборудовать в торпедоносцы и эти гиганты, а их корпус самую малость не дотягивал до сотни метров, прикрываясь мощными полями, рвались к жабьим кораблям пуская торпеды с убийственно малых дистанций.

Добавьте к всему перечисленному пару уютных кают, санузел, хоть и совмещённый, но с полноценной ванной, и трюм. В последний влезало тридцать три тонны, что, согласитесь, было немало.

Немало, но, по сравнению с чистыми транспортами – ни о чём.

Самый мелкий грузовоз, стоивший, к слову чуть меньше

сотки, сотни тысяч, конечно, носил гордое имя «Титан», что как по мне, так было прямой насмешкой над представителями этого трудолюбивого класса.

Даже "Шерп", тот маленький торговый кораблик моей родной вселенной, в рубке которого побывал каждый вольный торговец, и тот, будучи раза в два меньше тащил в своём трюме почти столько же, сколько этот "Титан". Причину такой несправедливости я обнаружил быстро.

Индивидуальность.

Если дома я мог взять на борт любой груз – при условии, что он упакован в стандартный, однотонный цилиндр контейнера, то здесь о подобном даже и не думали. Кубы, прямоугольные ящики, зачастую сколоченные из грубых досок – это было наименьшей головной болью. А вот пирамидки, цилиндры, сферы, и прочие грузы, к дизайну которых приложили руку местные творческие личности, желая тем самым подчеркнуть индивидуальные особенности продукта, вот это всё было настоящим кошмаром моего трюма.

Ведь всё это барахло следовало размещать внутри строго следуя требованиям отправителя.

В общем, если не растекаться мыслью по древу – и палубные рабочие, и суперкарго полностью отрабатывали свой хлеб решая подобные ребусы. Прикинуть на модели размещение груза, расставляя всё по своим местам и не нарушая центровки, согласовать с пилотом, подобрать нужные ремни, промаркировать каждую единицу груза, проследить за ра-

ботой сначала грузчиков, а потом такелажников, проверить, пересчитать – не забыли ли чего, убедиться в порядке, опечатать....

Бррр...

Нет, вот с голода умирать буду, но в суперкарго не пойду!

Типов транспортов было много – чувствовалось что человечество, дорвавшись до звёзд, принялось осваивать пространство всеми имевшимися на тот момент силами. Но не буду долго задерживаться на этой теме. Перечислю лишь несколько машин, оставивших у меня наиболее сильные впечатления.

Прежде всего здесь следует упомянуть Гусеницу, или, говоря на наречии планеты-производительницы, Катерпиллар. Именно в эту махину я чуть не впился, подлетая к первым в моей жизни, вратам.

Сколько он таскал – не знаю, но то, что Гусеница была Королём грузовозов, в этом сомнений не было. Цена у неё тоже была... Скажем так – заоблачная. Для меня.

Её младшим братом – сильно меньшим по размерам, но точно таким же по конфигурации, был тип Б. Эти два корабля были обречены на космос. Не имея ни посадочных лап, ни термостойкого корпуса они могли швартоваться только о типовые причальные штанги, имевшиеся практически на каждой уважающей себя Станции. Орбитальные платформы, и тем более планеты были табу для этих моделей.

Если есть Тип Б, то, наверное, имеется и Тип А, С и так далее – спросит меня внимательный читатель и я утвердительно кивну. Да, были здесь и прочие буквы алфавита, делившие корабли по типам перевозимого груза. Так А – мог садиться на атмосферные планеты, В – специализировался на водных мирах, Д – добыча, таскал руды, Ж – на трюмах с жизнеобеспечением, Х – холодильники, ну и так далее, принцип, я уверен, понятен.

Упомянув про транспорта было бы не честно обойти вниманием другие классы кораблей, благо их и не так уж и много.

Исследователи и боевые завершат этот краткий рассказ.

Оба последних класса объединяло то, что они были обвязаны своим происхождением одной матери – войне. И если разведчики, вырвавшись из горнила схваток смогли перейти на мирные рельсы став простыми исследователями пространств, то боевые так и остались узкоспециализированными аппаратами.

Истребители, перехватчики, бомбардировщики – склады просто ломились от обилия смертоносного металла. Перечислять модели я не буду – это займёт уйму времени – воевать Империя готовилась серьёзно и не её вина, что поначалу всё пошло не так.

Чуть реже, и не на каждой Станции, можно было приобрести сторожевик, или, если вы свихнулись на военной тема-

тике, корвет. Но если вас мучила паранойя и, вдобавок, ваш карман был отягощён десятком другим миллионов, то вам могли подогнать даже крейсер, предварительно уточнив пожелания по отделке каюты. Нельзя было купить только линкор – корабли класса «Империя» частным лицам не продавались и корабль-матку.

Нельзя.

Но, если очень хочется, то?

Можно.

Регистрируйте охранное предприятие и покупайте. Если денег хватит – такие корабли тянули на миллиарды кредитов. Купили? Поздравляем! Теперь нанимайте экипаж и всё, ваш линкор в полной боевой готовности.

Вот только – зачем? Не на жаб же в одиночку переть? Порвут и не заметят. Но о жабах и их кораблях – позже.

Серьёзным удивлением для меня оказался тот факт, что здесь, в этой реальности, преступности не было.

Ну как не было? Ворьё, мошенники, контрабандисты и просто жулики – были. Как же без этого.

Но настоящего криминала – я про пиратские кланы и другие серьёзные нелегальные организации, таких структур здесь не было. Совсем.

Угнать корабль?

Легко!

Но не вламываясь в рубку размахивая окровавленным

клинком, а путём финансовых афер или подделкой данных капитана.

Украсть девчонку для продажи в бордель? Да хоть две, или три. А вот захватить пассажирский борт и потребовать выкуп – нет, как можно?!

Угрожать расстрелом грузовику, требуя сброс груза?

Да где такое видано?

По людям стрелять?!

Мы ж не жабы какие!

И это при том, что вас могли легко посадить на перо, не понравься выражение вашего лица кому-либо из завсегдатаев самого распоследнего кабака.

Вот такие гримасы местного менталитета...

Но, вернёмся к происходящему.

Аврора успешно моталась по пространству пополняя мой счёт. Развозя грузы, я облазил почти весь кантон, побывав на десятках Станций, платформ и планет. Сказать, что природа здесь чем-то особенным выделялась на фоне виденного мною ранее – не могу. Ну цвет растительности менялся, ну облака могли быть не белыми, а зелёными, и что такого? Конечно, будь я праздным путешественником, то я бы несомненно нашёл кучу редких и интересных разностей, но мои приоритеты лежали в другой плоскости.

Деньги.

Этот презренный металл был мне жизненно необходим –

не на Авроре же выходить на Древнего? А посему я пахал как проклятый, оставляя на отдых лишь считанные часы.

Да и Сиам, так любезно оказавший мне помощь по началу, оказался той ещё личностью, отбирая почти четверть из моего заработка за аренду ангара, ремонта, заправки и прочее, прочее, прочее.

Но, несмотря ни на что, денежка на счёт капала.

Постепенно, монетка к монетке, но, к концу третьего месяца на моём счету скопилось чуть более полусотни тысяч, что позволяло начать строить планы по пересадке на более прибыльный агрегат.

Выходные удавалось организовать редко – перерыв в своей гонке я делал только тогда, когда уже реально начинал косячить, несмотря на принимаемые стимуляторы.

Вот и сейчас, поняв, что попытка вести корабль в подобном состоянии может печально отразиться на моих планах, я сидел в баре на Второй, попивая пиво и лениво листая страницы рекламного комикса, прихваченного мной со стойки.

С ярких страниц на меня смотрел главный герой – широкоплечий брюнет с мощной квадратной челюстью. Из одежды на нём была лишь кожаная куртка, под которой проглядывала красная не то футболка, не то майка, позволявшая оценить его рельефную мускулатуру. Что было на нём ниже пояса – я так и не узнал – на картинках присутствовала только верхняя половина тела сего героя.

Текста, надо заметить, был ну крайне мало. Заголовок главы и ряды картинок кое-где украшенные краткими «Ба-бах», «Бум» и «Вззз» дополнявшими восприятие изображённого. Ни диалогов, ни пояснений – ничего кроме действия. Нарисовано, впрочем, было неплохо – художник, намалевавший всю эту рекламную муть, сумел точно передать эмоции персонажей, что делало наличие пояснений практически излишним.

Всего в комиксе было четыре раздела, или главы, и я, потягивая пиво, ознакомился с ними всеми.

Как я уже сказал – буклет был рекламным и рекламировал он не что иное, как Фрилансера, красочно расписывая его возможности. Обычно я прохожу мимо подобной литературы, но сейчас, имея на кармане практически нужную сумму, не удержался и прихватив журнальчик, уселся его изучать. Говоря по-честному, я надеялся увидеть в нём технические детали, графики, сравнения с другими космолётами, но увы – картинки, картинки и картинки, лишённые какой-либо конкретики.

Судите сами.

Первая глава называлась просто «С – скорость». Десятка два слайдов, не знаю, как верно называются рисунки в комиксах, были посвящены каким-то гонкам. Фрилансер, ведомый главным героем, ловко обходил самые разные корабли, вписываясь в светящиеся кольца трассы, разместившейся над городом. Он лавировал меж шпилей высоких зданий,

пролетал под мостами, оттеснял в сторону менее удачливых конкурентов – парочка неудачников красочно впилилась в здания, расцвечивая рисунок огненными шарами. Дойдя до этого места мне захотелось выкинуть журнал в мусорное ведро – проведение подобного над жилой застройкой выглядело натуральным дебилизмом, но, отпив пива, я продолжил просмотр.

Финиш.

Высоко поднятый над головой кубок и весьма аппетитная красotka на шее героя.

Ну, с этим понятно – корабль быстр, аки...аки... Не найдя подходящего слова листаю дальше.

«М – манёвренность».

Теперь действие переносится в космос. Брюнет, с напряжённым лицом, сжимает в кулачищах рычаги управления, взгляд устремлён вперёд. Там, выплёвывая длинный язык форсажа, мчится какой-то корабль.

Следующий слайд – беглец крупным планом. Видна женская фигурка, прилипшая к иллюминатору. Крупнее – оппа! Да это же та самая девица, что висела у него на шее в конце прошлой части? Её что – украли? И нахрена?!

Похититель, толстый и лысый бычара, похотливо косится на девку. Та вжалась в переборку, показывая на приближающийся Фрилансер. Плохиш, резко теряя к ней интерес, запрыгивает в кресло пилота.

«Вззз!» – Его корабль закладывает вираж, целит носом на скопление камней. «Ха-ха-ха!» – Второй раз встречаю текст в картинке. Как я понимаю – похититель смеётся над Фрилансером, чьей туше не пройти сквозь астероиды.

Покрытое потом лицо героя. Прилипшая ко лбу прядь и камни вокруг. Его кораблик влетает в месиво обломков и, то становясь на ребро, то пикируя вниз, мчится следом за бычарой. Тот удивлён и напуган – по лицу градом струится пот, глаза расширены от страха. Фрилансер огибает один булыжник, проскальзывает в дыру другого и раз! Беглец прямо перед ним.

Финальный слайд.

Герой обнимает девчонку, а из-за его плеча выглядывает примотанный к креслу плохиш с красной мордой и свежим фонарём под глазом.

Хеппи энд.

Листаю дальше.

«О – открытия».

Какая-то планета. Романтический розовый рассвет, пелена синеватого тумана над поверхностью. Пара фигур в скафандрах. Герой, опознать которого удаётся по куртке, накинутой поверх скафандра, обнимает девушку – то, что это она видно по её, кхм, попе. Нахрена он натянул куртку на скафандр я не понимаю и оставляю это на совести художника. Кругом расставлены какие-то приборы. На следующих слай-

дах они или считывают данные, или сидят в кают-компании держась за руки и глядя друг на друга влюблёнными глазами.

Он – всё в той же куртке, она в красном платье из первой части. Художник что? Считает читателя совсем идиотами рисуя каждый раз куртку? Боится, что перепутают героя с кем-то ещё?

К счастью, этот раздел был совсем коротким, уместившись на одном развороте.

Финальная сцена не блистала оригинальностью – герой, на котором была та самая куртка и красная футболка, держал в руках толстую пачку денег, а к его плечу, мечтательно глядя куда-то вверх, прильнула девица. В том же платье! Ну, блин! У них что – других шмоток нет?!

Освежаюсь и перехожу к следующей, последней, слава Творцу, части.

«Г – гарантия».

Залитый солнцем задний двор коттеджа. Фрилансер – он стоит у дальнего края забора. Рядом с ним – три фигурки. Ещё не переводя взгляд на следующий слайд вздыхаю, догадываясь, кому принадлежат две стоящие рядом.

Ну так и есть!

Главный герой – в той же чёртовой куртке, и его подруга – в красном платье...

И куртка, и платье изменений не претерпели – в отличии от их владельцев. Герой стар. Седые волосы, морщины по

лицу. То же самое и с подругой. Угу. В красном платье.

Блин!

Поймите меня правильно – старость я уважаю. Уважаю, но не более того. Просто уважаю, безо всякого герентофильства. А вот тут оно явно присутствовало – расценить иначе понять присутствие здесь почтенной дамы, одетой весьма легкомысленно, я не мог.

Третьим человеком была молодая копия героя. К счастью – без куртки. В скафандре. На серии слайдов он обнимался со стариками и шёл к кораблю. Взлёт – у старушки в руке появляется платочек и всё. Конец истории.

Это что – типа пожизненная гарантия на корабль? Разглядывая стариков, сидящих на скамеечке, чешу шрам на щеке. Типа Фрил настолько хорош, что и вас переживёт?

– Привет! – Хриплый голос Сиама вырывает меня из лабиринта догадок.

– О! Смог? – Он садится напротив, взмахом руки подзывая бармена.

– Я? Смог? Что я смог?

– Не что, а кто, – его палец щёлкает по журналу: – Смог – героя так зовут. Типа – он смог, а ты всё ещё на Авроре гоняешь.

– Ну, гоняю, и что с того? Норм зарабатываю. Если б не твои поборы – ещё бы больше имел.

– Поборы? Ха! – Приняв от Гарсии кружку он приподнимает её в шутовском салюте: – Я же не альтруист – и мне, да,

как и всем здесь, кушать хочется. И пить, – проиллюстрировав сказанное небольшим глотком, он ставит её на стол и подтягивает к себе буклет: – А что до тебя, то не советую подобным мусором голову забивать.

– Так я просто посмотреть взял. К культуре, так сказать приобщиться.

– Приобщился? – Его взгляд полон насмешки: – Этим?

– Другого-то нет, – пожимаю плечами: – А по музеям ходить сам знаешь – времени нет. Всё в работе.

– Знаю, – задумчиво произносит он листая глянцевые страницы: – Я, дорогой Сэм, знаю всё, – на мог его взгляд обжигает меня своей жесткостью, но только на миг, спустя секунду глаза Сиам вновь опускаются на яркие листы: – И как ты работаешь, и про репутацию твою. Слушок-то про тебя кто пусти? Я!

– Слушок?

– Ну да, про ветерана войны. Честного парня, которому ай-ай-ай, – не отрывая взгляда он сочувственно качает головой: – Так не сvezло. Амнезии хлебнул. Или ты думал люди просто так к тебе потянулись?

Не отвечаю. Тяну время потягивая пиво и глядя в сторону. Ай да Сиам! Ай да молодец! Значит это он всё организовал? То-то я смотрю, что Заказчики, беспощадно торговавшие с другими пилотами, со мной были так покладисты. После недолгого раздумья склоняюсь к тому, чтобы ему поверить – этому жуку подобное вполне по силам. Да и кроме того –

не пиво же он сюда пить пришёл? Явно нет.

А значит что?

Значит продолжаем играть роль простака, ожидая, когда он до главного – зачем разговор завёл, дойдёт.

– Спасибо, – благодарно киваю: – Помог ты мне сильно.

– Но не бесплатно, – улыбается он в ответ: – Взаимовыгодно. Так и тебе хорошо, и мне. Согласен?

Киваю, чувствуя, что ещё чуть-чуть и главное будет сказано.

– А вот это, – журнал вздрагивает в его руке: – Ты не бери. Фрил, конечно, хорош, но это не твой корабль. Не по тебе он. Вот, – перевернув буклетик задней обложкой вверх он толкает его по столу ко мне.

Прижимаю рукой.

Вот же сволочь! Знал же, о чём я мечтаю.

С обложки на меня смотрит рубка Созвездия.

– Шутишь? – С сожалением погладив пальцами её обвод, я отталкиваю журнал в сторону: – Мне на неё в жизни не скопить. Полторы же сотни! Тысяч! А у меня всего...

– Пятьдесят три тысячи, шестьсот сорок три кредита, – демонстрирует Сиам осведомлённость о моём состоянии, но немедленно поправляется: – Извини. Шестьсот двадцать. Будет. После того как ты за пиво и закуску рассчитаешься. Я уже заказал.

Молча киваю, ощущая растущее раздражение. Нет, ты, не спорю, мне сильно помог, но так не задаром же. Да и про-

ставлялся я уже – с какой радости банкет за мой счёт?

– У меня только на Фрилансер и хватит, – упрямо наклоняю голову, торопя его перейти к более активным действиям. Траты на угощение принимаю без сопротивления – пусть считает, что я всем и полностью ему обязан.

– Сколько у меня денег – знаешь, – бросаю взгляд на обложку и поспешно отвожу глаза в сторону, не забыв вздохнуть: – И копить мне на неё полгода, а то и весь год, – снова вздыхаю и, с надеждой простака, считающего себя самым умным, упираюсь полным грусти взглядом в него – а что такого? Вдруг купится и меньше забирать станет.

Не купился.

– А вот это ты зря, – погрозил он мне пальцем: – Не идёт тебе под дурака косить.

– Не идёт?

– Не-а. И не пытайся, – он начинает крутить свою кружку, но та, едва сдвинувшись с места, издаёт неприятный звук, отчего Сиам морщится и оставляет её в покое: – Мы, – он быстро поправляется: – Я слежу за тобой. А что такого? Должен же я знать кого рекомендую – за зря своим именем рисковать, знаешь ли, не хочется.

Киваю. Что ж. Его слова меня особо не удивляют. То, что он говорит полуправду – ясно. Следит он. Угу, как же. Интересно – факт, но вот следит – нет. Если бы его слова были правдой, то он бы уже поинтересовался, а что это я время от времени за налик работаю? И, что он просто обязан спросить

– а с какого перепуга я ему, из этого ручейка не отстёгиваю. А он нет, не касается этой темы.

Видя, что я весь внимание, Сиам продолжает, бросив демонстративный взгляд на журнал: – О Фрилансере забудь. Он, не спорю, шустрый, но сырой. Но чужие технологии оно такие... такие, – его рука чертит в воздухе что-то непонятное: – Непредсказуемые. Может повезёт, и всё путём будет. А может и откажет. И что тебе делать? Помощь звать? А толку? Не на буксире же до Станции тащить? Околеешь от старости прежде чем дотянут.

– Ну... Зип? Починить?

– Там биотехнологии, – отмахивается он: – Хоть и говорят, что Фрила на жабью тягу поставили, но враньё это. Там от члеников движки, – Приподняв кружку Сиам делает глоток: – А они ремонту не подлежат – только замена. Так что только Созвездие. Там всё наше, человеческое.

– Так где денег столько взять? – Подтягиваю журнал и вожу пальцем по линиям рубки: – Ты мои финансы знаешь.

– Знаю, – легко соглашается он: – И финансы и то, что ты к делу серьёзно подходишь. Со всей ответственностью. Потому и сиюю напротив.

– Слушаю. – Поднимаю на него заинтересованный взгляд: – Что предлагаешь? На мокрое не пойду. Пилот я, не киллер.

– Пилот мне и нужен. Скажи, Сэм, как ты относишься к закону?

– Стараюсь держаться от него подальше и не пересекаться. Ни с ним, ни с его слугами.

Своим ответом я попадаю в точку – Сиам заметно расслабляется, на его лице появляется лёгкая улыбка: – Не буду врать, Сэм, я рад слышать подобное. Ты мне сразу понравился, – начинает он усыплять мою внимательность: – Вот видно было – тёртый калач к нам залетел. Ну, грех такому парню нищенствовать.

– Давай к делу, – перебиваю его: – Чего предлагаешь? Что через закон переступить – ясно. Вопрос – насколько далеко мне за его границу зайти придётся? И как после выбираться так, чтобы чистеньким остаться?

– Ух, сколько вопросов, – он шутливо замахал руками, словно на него шла в атаку целая туча комаров, но взглянув на меня – на моём лице не было и тени улыбки, тоже принял серьёзный вид.

– Что предлагаю? Самое простое – то, чем ты сейчас занимаешься. Взять груз в одном месте и отвезти в другое. Легче не бывает.

– Ага, конечно, – откинувшись на спинку складываю руки на груди: – Говорила кошка мышке – сбегай до стенки и обратно, а я тебе, за это, молочка налью.

– И налью, – кивает Сиам: – И молочка налью, и сырка нарежу. Не за один раз, но всё будет.

– Контрабасы таскать?

– И да, и нет, – он начинает покусывать губы, глядя на

меня оценивающим взглядом: – До настоящих инструментов мы, возможно, дойдём. Обязательно – я в тебя верю. Начнём с простого, а там глядишь и до музыки дойдём. Уверен – твои мелодии будут по всем кантонам греметь. Это я тебе как художник говорю.

– Художник? – Прищуриваюсь, глядя на него поверх кружки: – Так может вас, Сиам, господином директором именовать следует?

– Да называй как хочешь, – весело скалясь отмахивается он: – Платформа у меня маленькая, сам же видишь, вот и приходится крутиться по полной.

Киваю.

Ну да, многостаночник, иначе и не сказать – и директор, и диспетчер, и контрабандист. Ну да ладно, хоть точки над «i» расставили. Хотя, уверен, далеко не все. Но – всему своё время.

– Делать-то что надо?

Ответить он не успевает – к столику подходит Гарсиа и быстро расставляет исходящие вкусным паром тарелки.

– Как я говорил, – дождавшись, когда бармен уйдёт, продолжает Сиам: – Ничего сложного. Доставка грузов.

– Сопроводиловка?

– Всё чисто, – улыбается он: – Комар носа не подточит.

– Тогда в чём засада? – кошусь на тарелку, где горкой сложены тонкие косточки с кусочками светлого мяса.

– Засада в том, чтобы прибыть в нужное время, сесть на

нужную платформу и передать груз нужному человеку.

– Нужный груз – нужным дядям?

– Примерно так. Остальное – не твоя забота, – кивает он и резко меняет тему: – Ты к птицам как относишься?

– К птицам? Да... Никак. А это тут к чему?

– А что не ешь тогда? Я же не знаю, может у тебя религиозный запрет на них, – ко мне пододвигается соусница, на две трети полная чем-то тёмно красным: – Попробуй. Мясо птицы в остром соусе. Гарсия мастер соусы делать – не обижай паренька.

Пробую – действительно вкусно, хоть, как по мне, слишком остро. Пережёвываю тонкие, похрустывающие на зубах косточки. Да, надо отдать должное – готовит он хорошо. Интересно – шальная мысль холодком пробегает по спине, этот Гарсия, ведь у него наверняка тоже, второе дно есть? И какое? Вот задницей чувю – этот парень не только еду готовить умеет, но, шепни ему, он и яд подходящий сварит.

Ловлю взгляд латиноса и благодарно киваю – он расплывается в улыбке.

М-да... Уютное здесь гнёздышко.

Утешает одно – я им нужен, что одновременно и странно – пилотов вокруг полно, и успокаивает – пока я им нужен, с меня пылинки сдувать будут. А за борт после выкинут, как порядком наслежу, так и избавятся. Но не сейчас. Это точно.

Некоторое время просто наслаждаюсь едой, не забывая остудить горло хорошим глотком пива.

Первым со своей порцией справляется Сиам. Ну, это понятно – он-то, в отличии от меня, смакующего каждый кусочек, привычен к таким блюдам.

– Ты сиди, наслаждайся, – поднимается он с места вытирая рот и пальцы салфеткой: – Твой вылет завтра, в обед. Инструкции я скину. И не бойся, – чуть наклонившись ко он дружески мне подмигивает: – Это будут лёгкие деньги. Небольшие, но лёгкие. А там, как втянешься, и серьёзные пойдут. Месяца два-три погоняешь – а там и на Созвездие хватит.

Кивнув на прощанье, он уходит.

Что же, месяца два-три, прокручиваю в голове его слова. Вот и срок моей жизни определился. Потаскаю каштаны, а там и в расход – зачем держать слишком уж осведомлённого в штате? Да и Созвездие – ну не отдавать же не пойми кому такую кучу денег. Ладненько, дядя, возвращаюсь к тарелке, это мы ещё посмотрим, игру-то ты на двоих расписал, глянем кому лучше карта ляжет.

Глава 4

Сиам встретил меня прямо в трюме.

Он, как мне показалось, ждал меня там уже давно, так что, когда я неспешно, нога за ногу, появился внутри, взгляд его не нёс в себе и грамма радушия.

– Сказал к обеду, я и пришёл, – сразу перехожу в атаку, не дожидаясь выплеска начальственного гнева: – Без четверти полдень. Что-то не так, уважаемый?

Если что-то и было "не так", то я этого не услышал. Вздохнув, и вновь обдав меня неприязненным взглядом он вытащил из кармана свой коммуникатор.

– Смотри и запоминай, – над чёрным квадратиком, стояло мне подойти, высветилась карта кантона: – Летишь в систему Норкиз. – Его палец ткнул в звезду, горевшую в четырёх Вратах от нас: – Там идёшь на Первую Орбитальную. Запомнил? Повторять не буду.

– Норкиз, первая орбитальная, – я было потянулся за своей тетрадью, лежавшей в набедренном кармане, но стоило её краешку показаться на свет, как Сиам отрицательно мотнул головой: – Всё в голове, никаких записей.

– Принято, – сую тетрадь назад: – Норкиз, орбиталка один.

– Там тебя загрузят. Пока трюм монтировать будут – сходи пива глотни. Кружку, две, но не больше – ты должен быть

в форме. Понял?

Киваю.

– Надеюсь, – он вновь окатывает меня неласковым взглядом: – Дальше. Из Норкиза идёшь в Лахтуун. Смотрю на карту. На схеме Врат эта звёздочка оказывается прилично так от моей точки получения груза. Врат так восемь-девять. Ого! Так это я часов семь пилить буду. Однако...

– В Лахтуун идёшь не по прямой, – продолжает инструктировать меня Сиам: – Пару петель заложишь. Понял?

Снова молча киваю.

М-да...

Зачем это нужно – понятно, хвост, если он будет, увижу и я, и те, кто меня прикрывать будут. Или не прикрывать – следить за выполнением задания. Обычная тема. Ладно, не проблема, попетляем. Следы, любопытствующему, попутая – не проблема.

Вот только такие петли мне ещё часа три добавят. Неприятно, но не критично. Жратва на борту есть, сортир работает – фигня, бывало и хуже.

– У тебя на борту стоит торговый сканер, – продолжает Сиам, и я поднимаю на него удивлённый взгляд – не было такого модуля! Уж кому как не мне свою кроху знать.

– Считай это бонусом.

Благодарно, без дураков, киваю.

Такой сканер почти полтора десятка стоит. Тысяч, разумеется. Удобная штука – вошёл в систему, кнопочку – тык

и через минут пять у тебя все местные цены перед глазами. Сканер сам торговые терминалы опросит. Более мощные системы ещё и динамику цен просчитают-спрогнозируют, да и с другими системами, где ты прежде был, сравнят. Красота – летай себе от точки к точке, да карман под бабло оттопыривать успевай. Ух... Это ж я, да с таким...

– Эй? Ты здесь? – Пальцы Сиам громко щелкнули у меня перед носом кладя конец красочным картинам быстрого обогащения: – Хватит мечтать – дело сначала.

Киваю.

– Как полетишь... – едва начав Сиам обрывает себя и, подозрительно прищуривается, глядя мне прямо в глаза: – Маршрут повтори. Откуда, куда и прочее.

Он что? Думает я на радостях забыл всё?

– Иду отсюда в Норкиз. Там на Первую орбиталку. Пью пиво, – по мере моего рассказа его взгляд теплеет: – Одну – две кружки. Не более того. Взлетаю. Лечу в сторону Лахтууна. Не прямо, а петлями. Все. Пилот Поп доклад закончил!

– Молодец! Теперь смотри – сканер я тебе не просто так, за красивые глаза, поставил. Как из Норкиза уйдёшь – скань. Отсканил, перекурил и дальше. Доступно?

– Вполне, – согласно качаю головой прикидывая причины такой щедрости. Ну точно – либо хвост, либо прикрытие. А может и то и другое вместе.

– Как окажешься в Лахтууне – иди прямо на Станцию. Зависни около неё и скань. Только около Станции. Это – важ-

но! Потом к грузовым фермам иди. Там зависнешь и будешь ждать – с тобой свяжутся. Подойдёшь куда скажут и трюм сбросишь.

– Принято. Подойти к Станции, отсканить цены и к фермам грузовозов. Там ждать и далее по инструкциям местных. Потом что?

– Потом – домой. Как вернёшься – отметим твоё боевое крещение – не каждый день у нас музыкант рождается. Всё, хватит время терять, – положив руку мне на плечо, Сиа толкает меня к кораблю. Ясно, пора идти.

Коротко киваю и забираюсь в рубку и начинаю готовиться к взлёту.

Действительно, чего время терять.

До Норкиза я добираюсь быстро – весь путь занимает не более часа, большая часть которого была заполнена скукой. Делать-то нечего.

Вышел из Врат, проложил курс дальше – на следующие, и всё.

Разгон, прыжок, врата.

Медленно, самым малым, подползти к ним, переход и всё с начала.

Выбраться из толчеи, проложить курс на следующие врата и...

И всё по новой – разгон, прыжок, врата.

А вы думали, что жизнь пилота полна романтики дальних

миров и прочей киношной белиберды?

Не-а.

На девяносто процентов рутина и скука. Скука и рутина.

Спорить не буду – бывают и миры, где ещё никто не был, и затерянные в глубинах пространства остатки кораблей чужих, но...

Но чтобы найти такой корабль надо знать где искать – космос-то он ого-го какой, а что до девственных планет, то нафига переться в дыру, которой прежде никто не заинтересовался?! В конце концов – я не мающийся от скуки бездельник с полными денег карманами, мне на жизнь зарабатывать надо.

Так что имеем рутину, пусть и скучную, но исправно приносящую копеечку.

Разгон, прыжок, малый ход, Врата.

Вышел – повторить, не перемешивая и не взбалтывая.

Единственное развлечение – это поглазеть на корабли у Врат, но поверьте – и это занятие приедается крайне быстро. Вот ты и сидишь в кресле либо играясь на своём коме, либо разгадывая головоломки, которых так много печатают в профильных журналах.

Некоторые предпочитают издания несколько другого толка. Уверен, вы понимаете о каких буклетах я веду речь. Что до меня, то ваш покорный слуга не был сторонником подобных развлечений. Это я про глянцевого красотока с миниму-

мом, или полным отсутствием одежды. Ну, посмотришь, а толку то? Ни прикоснуться, ни, тем более... Ну, вы поняли о чём я.

Это Смог, тот, что смог в комиксе, имел возможность с подружкой на борту кувыркаться. Фрил – он, зараза, здоровый. А я? На Авроре? Даже если бы подруга и была, то толку от неё здесь был бы нуль.

Абсолютный, если не в минус.

Здесь и одному-то не повернуться, а вдвоём? Неее... Мой удел – кроссворды, сканворды и картинки из серии «найди десять различий». Их хоть в карман кресла запихнуть можно, да и воздух не жрут.

Короче говоря, я был очень рад, когда моя кроха наконец добралась до нужной системы. Ещё немного терпения – и вот я уже подле Первой платформы, висящей на орбите ближайшего к местному светилу, планетоида. Мёртвый, оплавленный лучами звезды камень.

Шахтёры здесь что ли обитают? Других идей, чем тут можно заниматься кроме как добычей руды, у меня нет.

Подхожу.

Сонный диспетчер направляет к второму ангару и стоит мне подойти, как Аврора вздрагивает, схваченная бледно синим посадочным лучом.

Касаюсь платформы.

Щелчки захватов и Аврора начинает погружение в ан-

гар, чтобы менее чем десять секунд замереть на техническом уровне. Плиты потолка смыкаются над моей головой, отсекая расцвеченную звёздами пустоту и я щёлкаю ремнями, выбираясь из кресла.

Прибыли.

Первая точка маршрута – есть!

Перед мысленным взором появляется табличка с заданием и я, одобрительно мотнув головой, ставлю жирную галочку в первой графе.

Теперь пункт два – пиво.

Выбираюсь наружу – около корабля меня уже ждёт старший техник – пожилой мужчина в вытертом и заляпанном масляными пятнами комбезе.

– Что делать будем? – Бросив на меня короткий взгляд он утыкается в планшет, водя пальцем по его экрану.

– Полный бак, воздух, вода, – перечисляю стандартный набор: – Общая диагностика и вот ещё...

– Чего? – Закончив кивать моим слова он поднимает голову.

– Любовуху протрите, что-то мух сегодня много – пока сюда летел всё стекло заляпали.

– Юморист что ли? – Бурчит он, и повернувшись к своей команде, начавшей уже движение к кораблю, продолжает более громким тоном: – Глянь, мужики. Клоун к нам пожаловал. Не иначе от своего балагана отстал. Или заблудился, – его взгляд возвращается было ко мне, но не продержавшись

и секунды, соскальзывает на экран планшета. Там явно что-то не так – техник хмурится, читая не то сообщение, не то примечание и недовольно качает головой.

Что – у них топлива нет? Или воздушная смесь закончилась?

Пожимаю плечами – это точно не моя головная боль и направляюсь в бар, благо все орбиталки, за редким исключением, имеют одинаковую планировку.

Пиво здесь было так себе – гораздо жиже и преснее того, что варили на Четвёртой Шанхорна. Это я вам с уверенностью могу сказать. Выпить я успел только одну, закусывая жареными орешками, да и то не до конца – оживший в моём кармане комм резко завибрировав привлекая моё внимание.

Достаю, а там лишь короткое сообщение – корабль к вылету готов.

И – ничего более.

Ну ладно – пора, так пора. Пересыпаю остатки орешков в кулёк, быстро свёрнутый из салфетки – ну а что? Уплачено, не оставлять же.

Около входа в ангар меня поджидает тот самый пожилой техник. Буркнув что-то неразборчивое, его ворчанье я расшифровываю как «все-готово-распишись», он подсовывает мне планшет. Прижимаю палец к моргающему в нижнем правом углу желтому квадратику, и он зеленеет, подтверждая оплату.

– Всё в норме? – Запоздало, и больше из вежливости, интересуюсь, протягивая ему раскрытую пачку с куревом. С неплохим, должен заметить – уж что-что, а отказывать себе в мелких радостях я не собираюсь.

Странно, но от сигареты он отказывается – дёрнув головой в сторону плаката где в перечёркнутом кругу красуется дымящаяся сигарета он переминается с ноги на ногу, словно желая сообщить мне что-то важное и запретное, но так и не решившись, лишь дёргает головой в сторону ангарных ворот и уходит.

У них здесь что – так строго с куревом? Пожимаю плечами и прячу не зажжённую сигарету в пачку. Ну и ладно – мне же больше останется. А покурить я и на борту смогу. Да, знаю, что это запрещено.

Но!

Это – мой корабль и правила в нём устанавливаю я. Так что ревнители здорового образа жизни – извините, но идите куда шли. И, желательно, побыстрее, а то мало ли что. Нервный я последнее время.

Захожу в ангар, направляясь к Авроре, но стоит мне сделать несколько шагов, как замираю на месте.

Опаньки!

А трюм-то мне заменили!

Без согласования, без уведомления и всех тех процедур, через которые я регулярно проходил все последние месяцы.

Там, где ещё полчаса назад сиял новенький серо-стальной

конт, теперь буреет ржавая, с редкими клочьями синей краски, стена.

И что?

Мне вот с этим хламом в Лахтуун лететь?!

Засмеют же. Это как надо опуститься, чтобы на подобный фрахт пойти?!

Ладно... один раз, не... Ясно кто не. Прорвёмся. Бывало и хуже. Реже, но бывало.

Продолжая разглядывать груз, прикидываю, пытаюсь понять, что скрыто внутри.

Так...

Цвет – синий. А синим у нас тут морепродукты маркируют.

Должен сделать небольшое отступление.

Помните, я говорил, что транспортники, те – узкой специализации, делились по классам? Ну там А – атмосферник, Д – руду таскает, и так далее. Тоже самое было и со съёмными, как у меня трюмами. Ту же руду таскали в окрашенных бурой краской контах, желтым цветом отмечали ёмкости, доработанные для транспортировки живых форм, белым – холодильники, зелёным – флору разную. Ещё мне встречались ровно серые, чьи борта были плотно оклеены рекламой производителей – в таких, меняя наклейки при каждой загрузке, перевозили промышленные товары. Ну и не могу промолчать про ещё один вид отделки, вызвавший моё пристальное внимание. Наверное, даже слишком пристальное.

Золотые.

Чисто золотые, на чьих боках красовались эмблемы местных финансовых структур, и золотые-в-зелёную-косую-полоску.

Первые несли в своих тушках слитки драгметаллов, а вот нуто вторых было забито наликом.

Мечта пирата! Посмотрел и всё ясно!

Вот только пиратов здесь не было. Ну да ничего, дай время и эту ситуацию я того, исправлю.

Но, вернёмся к кораблю.

Почти минуту я стоял подле трюма ломая голову над этой загадкой.

Здесь? Морепродукты? На шахтёрской планете? Шутите, да? Да и судя по слою ржавчины, валялся этот контейнер здесь не один год. Чтобы так облезть надо с десятков лет проваляться в дальнем углу склада.

Впрочем, пожав плечами, направляюсь к рубке – не моё это дело. Я кто? Курьер. Берём груз здесь и весело, с улыбочкой тащим куда скажут. Что внутри – меня не касается.

Оп-па!

И тут сюрприз.

Под экраном – тем самым, что открывает входной люк, торчит синяя папка с документами на груз. Синяя – значит точно морепродукты.

Вытаскиваю и не глядя сую её за пазуху – после разберём-

ся.

Забираюсь в рубку, пристёгиваюсь и одновременно запускаю процедуры предполётного контроля. Папку сую в карман к журналам – в полёте времени полно, там гляну.

Так...

Топливо – полный бак, воздушная смесь...порядок, системы... Все индикаторы горят тёплым зелёным светом.

Порядок. Можно взлетать.

Запрашиваю добро и уже через минуту чуть поддаю тяги, отводя корабль от орбиталки. Хорошо – мысленно ставлю очередную галочку в плане. Теперь в Лахтуун этот.

Подняв руку щёлкаю кнопками и у меня между ног высвечивается карта сектора. Невольно отодвигаюсь подальше. Вот ничего с собой поделать не могу – стоит только шару радара приблизиться к... К моему мужскому достоинству, как я вжимаюсь в кресло. И ведь знаю же – свет это, ничего более, но увы – инстинкты сильнее.

Выбираю Врата.

Не те, через которые сюда прибыл, а другие, на дальнем краю системы. Сказано кругами полетать – сделаем. Зачем работодателя расстраивать?

Разгон, прыжок, Врата.

Движение здесь не очень, так кораблей пять, может шесть. Сбрасываю ход до малого и пристроившись за кормой грузовоза Тип А, медленно ползу к колышущейся пелене.

С левого борта вижу корабль. Судя по резким обводам – боевой. Ну точно – вон, под брюхом, целый сноп стволов стоит.

Хм...

Что – меня уже на контроль взяли? А быстро, однако...

Корабль медленно подтягивается, зависая в десятке метров от меня и его пилот – мне его хорошо видно сквозь прозрачный колпак кабины, жестикулирует, явно привлекая моё внимание.

Поворачиваюсь к нему и вытягиваю руку – чего хотел-то?

Он тычет куда-то назад, мне назад и покачивает головой. Ааа.... Ясно – говорит мол нехорошо с таким мусором летать? Ну да, со стороны мой трюм действительно на кучу мусора похож.

Киваю, соглашаясь и развожу руками. Упс... А что делать? Подняв вверх руку шевелю пальцами в известном жесте пересчёта купюр – заплатили, вот и тащу. Он понимающе кивает и отворачивает, уводя машину на безопасную дистанцию.

Может то контролёр был, может просто сочувствующий – гадать особо некогда. Бывший передо мной Тип А уже упрыгал и мне, до плёнки перехода остаются какие-то метры.

Переход.

Отваливаю от Врат и снова щёлкаю кнопками над головой. Полетим мы... Полетим...

Чёрт! Едва не хлопаю себя по лбу!

Сканер! Про него-то я и забыл!

Задираю голову вверх – есть! Особняком, в стороне от общей массы кнопок неярко светится новая. Трг Скн – читаю на её теле.

Щёлк! Кнопка наливается золотистым свечением. Это хорошо. И цвет приятный и на мысли о богатстве наводит. Несколько минут ожидания и карту сектора сменяет небольшая таблица. Ничего особенного, всего три колонки – название товара, цена покупки и, соответственно – продажи. Тянуть было за тетрадкой, но стоит моим пальцам коснуться её края, убираю руку. После. Сейчас мне это не важно. Надо к Лахтууну двигать.

Активирую карту системы. Пойдём... Пойдём... Вот сюда. Затем сюда и... Прикидываю маршрут. Ну так, ничего себе выходит. Дюжина Врат. Ладненько, поползли.

Ложусь на курс, разгон и вновь передо мной темнеет мембрана перехода.

Сбавляю ход и пока мой кораблик ползёт к ней, копаюсь в кармане кресла выбирая журнал с головоломками. Пальцы натыкаются на что-то жесткое и скосив глаза вижу край синей папки.

Достать?

А чего ради? Меньше знаешь – крепче спишь.

Оставляю её в покое, но только убираю руку, как в памяти всплывает эпизод, ещё из той, моей самой первой реаль-

ности.

Как-то выпал мне фрахт на доставку груза – систем отопления, в одну далёкую систему. Планета та отличалась суровым климатом, но, при этом же, была покрыта незамерзающими океанами. Уж как так вышло – не знаю. Творец – он такие шутки любит. Может вулканы там, на морском дне были, может состав воды особо солёный – не знаю, не копался в деталях.

Сам по себе фрахт был не особо-то и сложным.

Взять груз, пропрыгать полсотни светолет, разгрузиться, получить бабки и свободен. Местные, кстати, рыбой промышляли и, должен заметить, дела у них шли весьма неплохо. Но заработать там у меня так и не получилось – закрыв контракт я так рванул прочь, что после техники долго качали головами разглядывая выжженные форсажем дюзы.

А виной всему – местный деликатес.

Рыбный.

Название не скажу – я его выбросил из головы едва опоры оторвались от покрытой снегом посадочной. Смутно помню, что был в нём что-то стрёмное. Стрёминг, си-стрёминг, или сос-стрёминг. Не помню, а уточнять, поверьте – желания нет. Но вот стрёминг в этом, с позволения сказать, деликатесе – точно был.

Я тогда на Тип-7 ходил. На Семёре, или, как мы ласково звали это кораблик – на буханке. За схожесть форм так

прозвали, ага. Ну так вот – выбираюсь я из корабля и чувствую воняет. Не сильно так – вентиляция в ангаре что надо, но запашок есть. Тонкий и тошнотный запах тухлой рыбы и таких же испорченных пряностей. Подхожу к технике – широкоплечий белобрысый крепыш с короткой рыжей бородкой. Согласовываем рутинные дела – ну там топлива подлить, гидравлику третьей левой лапки проверить – вроде масло подтекает, обычные мелочи, привычные любому пилоту. А под конец – как всё согласовали, и спрашиваю – а пахнет-то у вас здесь чем? Ни как холодильники сбоят.

– Пахнет? – Принюхивается он и удивлённо разводит руками: – Ты чего, пилот? Ничем здесь не пахнет, нормально всё и холодильники исправны.

Ну ладно, мало ли – после обогащённого и восстановленного воздуха внутри корабля, бывает и не такое почудится. Откланиваюсь и иду в бар. Перелёт долгий, денежку заплатили, так что мешает отметить успешный рейс парой пива? Слухи местные послушать – опять же, вдруг о чём полезном люди болтают? Может что и пригодится.

И вот только я из ангара вышел... Вот тут меня и накрыло. С головой. Полностью.

Вонь.

Легионы протухших рыбьих душ, держа наперевес приправы, ринулись в атаку, забивая рот, нос и даже поры кожи своими неповторимыми ароматами. Зрение отказало чуть погодя – нет, глаза остались целыми, но слёзы... Скажу вам

честно – я так в жизни не рыдал.

Как я вернулся в Буханку – не скажу. Наверное, на ощупь добирался.

Врубил на всю мощь вентиляцию и... И немедленно вырубил – я же на обслуживании был! Всё, все коммуникации – питание, вода и воздух! Воздух, чёрт подери – всё с планеты шло.

Угу. Со всеми прилагающимися этому месту ароматами.

Так быстро я в скафандр ещё не забирался.

Как выяснилось позже – угодил я к ним как раз во время празднования некой местной торжественной даты. Не то «День Первого Улова», не то что-то религиозное, не знаю и знать не хочу. Главным – для меня, было то, что в эти дни они обжирались этим самым стрёммингом.

Ага, им самым. Из основательно протухшей рыбы. Типа она так мягче становится и пряностями лучше пропитывается. Мягче... Ну да, ну да. Настолько мягкой, что её через трубочку высасывать можно. Рыбу. Трубочкой. Бррр...

Корабль я продал на первой же оказавшейся по пути Станции.

Причём улетал я с неё на Орле – скоростном лёгком истребителе, справедливо опасаясь получить вслед обвинения в контрабанде биологического оружия. Меня спасло то, что менеджер, поленившись лично осмотреть корабль, доверился электронной сводке. Ну... За свою лень он получил достойную награду – продать эту машину можно было только на-

прочь лишённому обоняния пилоту. Его вина – он же чуял, как от меня разило, когда мы сделку оформляли, мог бы и поинтересоваться.

М-да... И вот сейчас – снова рыба. Трясу головой, отгоняя нахлынувшие воспоминания – нет, сейчас – лучше. Трюм – герметичен и никакие запахи сюда, в рубку, не проникнут, но всё же... А чем чёрт не шутит? В общем весь остаток полёта я водил носом, одновременно и ожидая, и боясь учуять так хорошо знакомые запахи тухлой рыбы.

Прохожу Врата и, отлетев, активирую сканер. Готово. Прокладываю курс. Прыжок.

Аврора ползёт к плёнке перехода, а мои мысли возвращаются к грузу.

А может там и не протухшая рыба. Вполне допускаю, что внутри лежат мешки с кормом или чешуя – вроде она тоже где-то используется. Слали куда-то, да логист накосячил – загнал груз не на ту платформу. Ну а кто же хочет признавать свои ошибки? Вот Сиам и подсуетился – меня прислал, чтобы я тихо, без шума и пыли, оттащил чужое имущество по нужному адресу. Тогда ясно зачем петляю – не стоит светить место, откуда я вытащил этот конт. Прилечу, скину и в сторону. А будет какая проверка – я про получателя, или производителя, так всё путём. Вот он, родненький, стоит. А что ржавый? Ну... Условия хранения такие. Фондов так мало дают... Ай-ай-ай... Дайте денежек на модернизацию складов.

Эта схема выглядит вполне логичной и мои мысли переключаются на новую тему.

Переход, необходимые манипуляции, и Аврора выскакивает у очередных Врат.

А что если и вправду – груз я к производителю тащу? Назад, то есть, возвращаю?

Раз это морепродукты, то значит, что? Значит и море там есть!

Моё воображение рисует золотые пляжи, белую полосу тёплого и ласкового прибоя, девушек в ультра крохотных купальниках. Откуда-то сбоку в картину всплывает столик, на котором красуется высокий бокал с слоистым, разноцветным коктейлем. Лёгкий ветерок колышет поля белоснежного зонта, дарящего мне приятную тень. Появляется и девушка. В именно таком – минимальном купальнике. Она улыбается, наклоняется ко мне...

Переход.

Вспышка и вместо красотишки чернота пустоты с искрами звёзд.

Отставить мечты! Я на работе!

Отвожу Аврору в сторону и запустив сканер выбираюсь из кресла. Надо размяться – до Лахтууна ещё три перехода, а у меня уже мысли разные, да нерабочие.

Отдраиваю люк в каюту – там, на койке, лежит пакет с

десятком банок саморазогревающегося кофе. Вернее – его местного аналога с точно таким же вкусом, цветом и запахом. Взяв парочку возвращаюсь на место не забыв задрать люк.

Активирую первую и неторопливо пью горячий напиток, пока корабль ползёт к Вратам. Меня обгоняет точно такая же Аврора и я, чуть повернувшись в кресле, салютую пилоту банкой. Он неодобрительно качает головой – чудака решил, что я пиво глушу.

Пофиг.

Мой корабль – мои правила. Вот когда врежусь, или ещё как накосячу – вот тогда и кривите морды. Да и полиции местной на всё вокруг пофиг. Если на Станциях и планетах она ещё бдит, то в пустоте, или на тех же орбиталках, её днём с огнём не сыскать. Ну, по платформам понятно – большинство в частной собственности и доблестные служители закона если там и появляются, то только взятки ради. Или, когда действительно нечто серьёзное произойдёт. Я даже и не знаю что.

Убийство?

Труп за борт и готово – ищи его потом.

Ну – прилетят, и что? Такого-то ищите? Ну да, был. Улетел куда-то. Куда? Да мы и не спрашивали – свободный человек, наше-то какое дело.

А атаковать другие корабли здесь не принято. Угу, ладно. Не принято, так не принято. Нешто я против?

Переход.

До Лахтууна ещё двое Врат.

Пью кофе.

Устал. Однообразие утомляет похуже иной физической работы. Руки действуют без помощи мозга.

Выйти из Врат.

Прибавить тяги, отворот, встать – газ на ноль.

Сканер – окинуть безразличным взглядом таблицу. Есть.

Щёлк-щёлк – карта Сектора. Ткнуть пальцем в нужные Врата.

Колёсико масштаба тарахтит под мизинцем, рычаги шевелятся сами. Есть. Встал на курс. Разгон, кнопка прыжка.

Есть Врата.

Встать в очередь. Пофиг, кто именно впереди – дистанция безопасна?

Ползём.

Переход.

Кофе уже не помогает – глаза просто слипаются.

Повторяю весь цикл.

Врата.

Переход.

– Врата Лахтуун. Врата Лахтуун, – монотонно бубнит безжизненный голос.

Всё! Дошёл!

Теперь сдать груз – моя рука тянется вверх, готовая вызвать карту системы, но замирает на пол пути.

Станция!

Сиам не сказал – на какую именно сдать! А если их тут две? Или три? Мне что – между ними мотаться, ожидая пока заметят?

Неприятная мысль бодрит не хуже холодного душа, мигом сбрасывая сонное оцепенение.

Фуууухххх....

Одна. Одна – Станция-то!

Ну, пилот, ещё немного и всё. Домой!

Ложусь на курс и жму кнопку прыжка.

Белая вспышка выхода и я, сдавленно матерясь, едва успеваю увернуться от туши крупного корабля. Кто это – не вижу. Во всю работая рычагами кручу Аврору избегая столкновений.

Да что же это такое!

Всё пространство перед Станцией забито кораблями. Их тут десятки, если не сотни. Какие-то просто висят, расцветив корпуса стояночными огнями, другие медленно, и без особой цели, перемещаются взад и вперёд.

Однако.

Это что тут происходит-то? Авария? Станция на карантине? Блиин! И что делать?! Мне же груз скинуть надо.

Выбираюсь из толчеи уходя вверх. Там, доминируя над всем скоплением, висит огромная туша крейсера.

Ого – прикидываю его размеры, если он и меньше Гусеницы, то разве что самую малость, какие-то метры.

– На Авроре! – Правый экран вспыхивает и на нём проявляется силуэт боевого корабля: – Говорит крейсер "Блеск"! Куда прёшь, дебил! А ну, быстро в сторону принял! Не хватало чтобы ты ещё под нашим под брюхом лопнул! Учти – дерьмо с корпуса своим языком слизывать будешь! Быстро в сторону ушёл!

Вот тварь!

Он меня, меня – Вольного пилота так?!

За дерьмовозку принял? Ну, милитарист недоделанный, держись!

– На "Блеске", – отвечаю, держа голос ровным: – Вас понял. Ухожу в сторону. – На миг смолкаю и продолжаю, добавив в голос просительные интонации: – Вопрос задать можно?

– Можно Машку за... Говори, чего тебе? – Голос офицера и снисходителен, и полон презрения одновременно. Угу, картина ясна – ему, боевому офицеру и общаться с каким-то мусоровозом?!

– Извините, – всё тем же голосом, полным почтения, спрашиваю: – А что же вы тут один? Друзья ваши где?

– Друзья? – Он явно сбит с толку: – Какие друзья?

– Ну как же?! Вы "Блеск", с вами вместе ещё "Шик" и "Красота" выступают? Вот вас я вижу, а они где?

– Шик? Красота? Выступают? Ты о чём, пилот? Бредишь, или пьян?! Где выступают?

– Как где? – Искренне удивляюсь: – В цирке конечно. Шик, блеск, красота, трата-та, трата-та, – напеваю я мотив старой песенки из моей реальности: – Три клоуна на велосипедах? Вас я вижу, а вот остальных нет. Уже и переживать начал – всё же родственник ваши. Такие же придурки! – Последнее срывается с моего языка против воли, само.

Чёрт!

А вот это было зря...

Офицер молчит, а на правом экране, где только что был силуэт крейсера, возникают строки текста.

Ого!

Здесь и чат есть? Не знал.

Экран, тем временем, заполняется сообщениями. В основном мне пишут пилоты других кораблей и судя по их поддержке этот "Блеск" успел уже всех достать капитально.

Читаю.

– Молодец, пилот!

– Всё верно сказал! Достали эти вояки!

– Так их! В конец обнаглели!

– Держись, парень! А лучше – меняй кантон! Эти, – следующие несколько слов заменены символами, скрывая мат: – Теперь тебе житья не дадут.

– Отлично! Так держать, фришка!

Все прочитать я не успеваю – сообщения исчезают и на их месте вновь появляется силуэт крейсера.

– Так... Свободный пилот Светозаров... Сэм... – Тонем офицера можно заморозить звезду среднего класса: – Позывной... хм... Поп. Учти, фришка, ты теперь у меня на особом счету. Усёк?

– Ага.

– Ну так вали нахрен!

Молча отвожу Аврору прочь.

М-да, что и говорить – умею я находить друзей. Талант... Такой не пропить, как бы не старался.

Мой манёвр выводит меня прямо к причальным фермам. Неподалёку от них висят две Гусеницы, как и все ожидая разрешения на швартовку.

Зависаю в отдалении и жму кнопку сканера.

Минута, другая, пять, десять – только спустя четверть часа передо мной загорается знакомая таблица. Увы, но она пуста – наискось через её тело тянется желтая надпись – технический сбой. За-ши-бись!

И что теперь?!

– На Авроре, – оживают динамики и я, повернув голову направо вижу на экране нет, не Крейсер, а Станцию. Да и голос совсем не похож на давешнего офицера – в отличии от него этот звучит устало и как-то надломлено.

– На Авроре, – устало повторяет человек: – Ну? Ассенизатор? Ты чё там? Уснул?

Я? Ассенизатор? Хм... И тот, военный, меня так же называл. Менее корректно, конечно, но по смыслу – так же.

Откликаюсь.

– Здесь Аврора. Слушаю вас, Станция.

– Иди за фермы, конт сбросишь в открытую дыру. Промажешь – сам борт вылизывать будешь. Отбой.

– Принято, – машинально отвечаю, но моего собеседника уже нет. Отключился.

Чёрт!

У них здесь что – мания? Чуть что, так сразу – языком вылизывать?! Вот же козлы! Извращенцы, натуральные!

Медленно плыву мимо причальных ферм приближаясь к корпусу Станции.

Ага...

Слева чернеет проём люка. Большой – две Авроры разом пройдут.

Торможу и разворачиваюсь вокруг оси загоняя его под себя. Чуть доработать...

Есть! Он точно подо мной.

Щелкаю кнопкой маневровых, импульс вниз и немедленно, мне там делать нечего, жму кнопку сброса груза.

Слитный щелчок нескольких замков. Аврора вздрагивает, разом освобождаясь от трети своего корпуса.

Готово!

Трюм сброшен.

Разворот вокруг оси – теперь ржавый ящик уплывает вверх.

Переключение режимов, тягу на треть и ручку от себя. Я ещё успеваю заметить, как мой груз окутывает бледное свечение тягового луча, а в следующий миг и он, и проём укачиваются прочь из моего поля зрения.

Готово! Задание выполнено!

Всё. Выдыхаю. Сделал! Можно и домой.

Только не по прямой – незачем мне так следить.

Сейчас, на всякий случай пару петель заложу, а то мало ли что.

В тишине рубки вспыхивает правый экран. Странно – обычно он только при связи активизируется. Ну, ещё и при чате – как я только что узнал.

Приглядываюсь – там всего одна строка.

" +15к. Жду дома. С."

Ха!

А это я неплохо сбегал! Пятнадцать косых за плёвую работёнку! Так я и действительно на Созвездие накоплю!

Настроение, несмотря на усталость и раздражение, повышается и я, мурлыча под нос ту самую песенку, начинаю прикидывать курс домой.

Глава 5

Сказать, что моя жизнь после этого вылета круто переменялась не могу.

Я всё так же таскал грузы, единственно, что не так часто, но зато – с гораздо большей оплатой. Говоря по-честному такая жизнь меня более чем устраивала.

Нет заказов от Сиама?

Отлично! Сажусь за рычаги и неспешно, без прежнего прессинга, каботажу. Два-три рейса и домой, отдыхать.

Есть дельце? Ещё лучше – получаю инструктаж и вперёд!

Подобные задания, в основном, мало чем отличались от привычной рутины. Всё сводилось к стандартному прилети-забери, доставь-выгрузи.

Назвать подобное контрабандой лично у меня язык не поворачивался. Ну что с того, что все эти грузы были, как бы это вернее сказать, «неудобными» для официальных перевозок. Не запрещёнными, избавь нас Зелёный Дух от греха! Нет, все они были именно «неудобными» и «неприличными» для обычных, то есть местных, пилотов.

Не понимаете?

Вот вам пример, уж простите за подробности.

Выпало мне поручение доставить на некую планету груз искусственных фаллосов. Ага, их самых – членов, самотыков – название сами подберёте. Для местного лесбийского

сообщества. И что тут такого? Я же – курьер, мне пофиг что в трюме.

А вот по местным меркам такой груз брать – зашквар полный. Все подобные отклонения от нормы тут крайне не приветствовались – война-то только вот-вот как кончилась? И народу там полегло – ой, как много. Так что подобные эээ... предпочтения не приветствовались. Со всех экранов круглосуточно только и пели про повышение рождаемости, про священный Долг Матери и Отца... А тут вы, ну, цветные. Детей-то от вас того, не дожидаться.

Нет, напрямую подобное запрещено не было – здесь же свободное общество, но... Уверен – тенденцию вы уловили.

Короче – пока мне Сиам рассказывал об этой миссии, а всеми силами сдерживался, чтобы не заржать – уж очень виноватый вид у него был.

– Ну ты как? – Спрашивает, после того, как все детали изложил: – Возьмёшься? – А сам глазками в сторону косит, будто там, на стене что-то до жути интересное. Я даже не выдержал – посмотрел на ту стенку ангарную – нет там ничего, стена как стена. Даже почти чистая.

– Чего не взяться-то? – Отвечаю: – Задание ясно. Летим вот сюда, – показываю на карте: – Берём конт, маркировка промышленная, особая отметка – реклама фирмы, выпускающей машины для пончиков – ребёнок с этим самым пончиком в руках, и лечу сюда, – снова на карте точку показываю: – Сдать груз даме в чёрном плаще, чёрных брюках, са-

погах и очках. Тоже чёрных, – блин, как я тут не заржал – не знаю. Так и представил – посадочный ангар, освещение приглушено и чёрная-пречёрная фигура.

– Это вы привезли машину для пончиков? – Спрашивает она у меня шёпотом, бросая из-под очков тревожные взгляды по сторонам.

– Я, – так же шепотом, держа руку на кобуре, отвечаю.

– Выгружайте, – шепчет Чёрная дама и возникшая из темноты группа таких же чёрных-пречёрных силуэтов уводит трюм куда-то во тьму.

И тут – яркий свет!

– Всем стоять! – Несётся из мегафонов: – Руки вверх! Ангар оцеплен! Вы обвиняетесь в контрабанде страпонов!

Вот тут я не сдержался и хихикнул – как представил суд, где судья, обличая меня, этим самым размахивать будет – прорвало меня тут.

– Ты чего? – Непонимающе уставился на меня Сиам: – Чего весёлого-то? Дело, сам видишь какое – тонкое.

– Да это я так, отвечаю: – Подумалось просто – если это всё я лесбиянкам тащу, то неувязочка выходит.

– Какая неувязочка?

– Так они же мужиков не любят и, типа, без них обходятся?

– Ну?

– Так члены-то им зачем? Вагин бы заказали – это логичнее было бы.

Пинок от него я получил хороший – даже скафандр не сильно помог.

Сиам, правда, после, когда я вернулся, и извинился, и пивом проставился, ну да я не в обиде был, понимал, что нервничал он. Задание и вправду, по местным меркам, того, не кошерное было.

Другой раз отправил он меня силос доставлять.

Силос. Контрабандный. Угу, именно так.

Бред? Угу и ни как иначе!

Так бы это событие и осталось ничем не примечательным в череде прочих переделок, если не пара моментов.

Подоплёка этого задания была проста – на Станции баствовали грузчики – и это было первым событием, словно выключатель запустившим всё последующее.

Получить, довести, сесть – с этим проблем не было.

Они, проблемы эти самые, начались после посадки.

Сел, техники корабль осмотрели, топлива подлили, смазкой, где надо, прошлись и ушли. А я – сижу. На опоре – жду, когда груз заберут. Морду кирпичом сделал – типа знать не знаю, ведать не ведаю, что тут у вас творится.

Ждал я так минут сорок – никого. Надоело – пошёл разбираться.

Только из ангара выхожу – митинг. Грузчики бузят. Тут всё как обычно – работы много, денег мало. Ораторы раз-

ные на трибуну из ящиков карабкаются, речи толкают – про угнетение рабочего класса, да как они – эти самые ораторы, за рабочий класс страдают.

Страдальцы, блин!

Я как на костюмчики их глянул – мама дорогая, да такой прикид если не на пять, то на три оклада грузчика местного потянет. В общем ясно – сколачивают господа политический капитал на трудягах этих.

Ну постоял, потолкался, послушал. Больше трёх речей не выдержал – суть-то одна – вы меня в депутаты и тогда я – уххх! Аххх! И будет вам счастье.

Старые и, увы, пустые, песни.

О помощи в разгрузке я и заикаться не стал – толпа распалена, того и гляди – на штурм сектора администрации пойдёт.

В общем – вернулся в ангар, взял платформу транспортную и загнал её под брюхо, аккуратно под трюм, благо управление платформы этой я при предыдущих разгрузках подсмотрел.

Дальше – просто. Забрался в рубку, кнопкой щёлк – кораблик только вздрогнул, когда конт на платформу упал. С грохотом таким... Сильным. По высоте-то я платформу не отрегулировал – забыл, не грузчик же я.

Выбрался наружу – ну ничего, стоит конт на месте. Кривенько, но стоит. А мне большего и не надо – вновь за рычаги взялся – в сторону отогнать. И вот стоило мне только с

места стронуться – ворота как распахнутся, да толпа та, что митинговала, в ангар да как плеснёт!

Несутся на меня, кулаками размахивают и орут.

– Штрейкбрехер! Сволочь! Слезай с платформы – убивать ща тебя будем!

Вижу – влип. Был бы то один-два – может и отбился бы. Три-четыре – тут ствол уже нужен. Ствола, к слову, нет. А тут – сотня на меня несётся!

И до корабля не добегу – с трапа за ноги стащат.

Вскакиваю на конт и руками машу – мол не убивайте, дайте слово сказать.

Остановились. Платформу в тесное кольцо взяли.

– Мужики! – Машу руками над головой: – Пилот я! Рейс горит! Вот сам и взялся!

Не работает – толпа ворчит недовольно и несколько рук к конту тянутся – а ну как качнут, грохнусь же, а тогда всё – затопчут.

– На фрахте я! – Продолжаю надрывать горло: – Я и не знал, что у вас тут такое.

Впустую – толпа крови жаждет, да и оратор тот, в костюме, на ящики залез, в меня пальцем тычет, да про предательство интересов трудящихся поёт. И так складно – его послушать, так я агент капитала, того самого, с большой буквы «К». И прибыл я сюда только затем, чтобы всё здесь испоганить и разрушить – до основания самого.

Мне, его речи, понятны яснее ясного – распалить народ,

указать жертву, а как кровь прольётся, то тут он на коне будет – нет ничего хуже, когда толпа кровь почует. Вот только кровь та – моя, а я к своей весьма бережно отношусь. Да и сыграть роль ступеньки, в карьере очередного говоруна, желания нет.

Осознал я, значит всё это, да как на меня накатит! Это что же – мне вот тут, на потеху болтуну очередному, жертвенным барашком быть?!

А вот хрен тебе!

Перед глазами, от злости, даже муть повисла – зеленоватая такая, да руку, левую, в районе запястья, как холодом обжигает. Отступаю на край контейнера, разбегаюсь и, со всей силы, прыгаю – прямо на этого, в костюме.

Наверное, облегчённая гравитация в ангаре том помогла – до него метров тридцать было. А может и злость – это я, сам удивляясь результату, тогда решил.

Долетел – точно перед ним на край ящика ногами стукнулся – оратор аж рот от изумления открыл. Сказать он что-либо не успел – а ему моментом в брюхо и в морду, оскаленную, сунул. Со всей пролетарской злостью воткнул – он так, с открытым ртом, и с гораздо меньшим количеством зубов, куда-то за ящики улетел.

А я?

А что я?

Спрыгнул вниз – гляжу кусок трубы торчит. Схватил его и на толпу – всё одно убивать будут, так чего ж не повесе-

литься?

Прыгаю к ним, а народ-то – отступает. И резвенько так – прямо коридор от меня к кораблю протянулся. Заманивают? Хотят, чтобы я расслабился, а они мне на спину и прыгнут? Ну уж нет – трубу перехватил и на них.

Опять отходят – глаза круглые, шепчут что-то, да на меня показывают.

Из толпы один отделяется. Дедок – седой весь. Руки пу-
стые вперёд выставляет, мол мирный я.

Ага. Знаю я таких мирных.

Гляжу – бормочет он что-то. Прислушиваюсь.

– Ты, – говорит старик, держа руки перед собой: – Не сер-
чай. Не со зла мы. Не знали, что ты – меченый. Иди своей
дорогой, зла на нас не держи.

– Что? – Помахиваю трубой: – Нешто отпускаете?

Он молча кивает, и вся толпа ещё шире раздаётся. В такой
ситуации меня дважды просить не надо – рысью к кораблю,
люком хлоп, и в кресло падаю. С трубой в обнимку.

Вырвался. Отсюда им меня не выцарапать – тут резак
нужны.

Только я трубу отложил – а из ворот, тех самых, что всё
это время распахнуты были, толпа полицаев. И – пошла по-
теха! Вовремя я в корабль убрался.

Как всех грузчиков упаковали – ко мне офицер подошёл,
типа убедиться, что у меня всё в порядке. Отвечать я не стал
– рот у меня от банки пива отлипнуть не мог, только рукой

махнул – мол нормально всё. Он тоже – как руку увидел, так глаза выпучил и быстро-быстро назад, из ангара, значит. А стоило только воротам закрыться, как мне сигнал пришёл – взлёт дают. Меня, как вы понимаете, дважды просить не надо было – стоило замкам раскрыться, по газам и ходу оттуда.

Про руку только перед Вратами и вспомнил. Осмотрел – ничего особенного, разве что чуть более бледная да зеленоватая какая-то, по сравнению с правой. Перчатку отстегнул, рукав скафандра оттянул – браслет тот вроде по тоньше стал и ничего более.

После, в новостях, проскочил небольшой репортаж о той Станции. Или даже не репортаж – скорее что-то вроде нравоучительной беседы – жрец, в зелёном балахоне вёл. Если убрать всё лишнее, то он о явлении Зелёного Духа распинаялся. Мол де снизошёл он на некого пилота, дабы тот словом добрым вразумил помрачённые умы и спокойствие в их душах навёл.

Ага. Добрым.

Вот дубинки у полицаев те да, добрыми были. В смысле вразумили грузчиков и спокойствие навели. И в душах, и в телах. До полной отключки последних.

Но задуматься мне пришлось.

После. В других миссиях.

И зелёный туман перед глазами и прыжок тот – ясно же, что не просто так всё это произошло. То, что это связано с

Древним – в этом сомнений нет. Есть же во мне его часть. Та самая – независимая и невольно защищающая меня от его прямых атак.

Ну не мог он самому себе вред причинить. Не мог. Это и спасало. Но до сего момента я к подобной особенности относился наплевательски. Не может скотина Зелёная сама мне напакостить – отлично. А чужими руками получалось у него хреново. Сколько бы не пытался – жив я.

Жив, назло ему.

Но вот так, чтобы его часть мне напрямую помогла? Такого, вроде, не было. Или было? Когда я на костёр угодил – там тоже туман зелёный был, да и голоса какие-то, недовольные таким исходом. Это что же получается – сам он, того не желая, спас меня из своей же ловушки? И тогда, и сейчас? Пусть не он сам – та его часть, что во мне? Она же – его часть? Его. А, значит, как и он,дохнуть не хочет и спасает меня – мою тушку. Так, что ли, получается? Картина вырисовывается вполне логичной, за исключением одного момента – управлять этой силой я не могу, проявляется она только при крайней опасности.

Ну, хоть так. Приятно иметь в рукаве козырь, пусть и весьма своенравный. Пусть пока так, а там, со временем, глядишь и сам управлять им научусь.

После той, силосной, истории, Сиама не дёргал меня почти неделю. Скажу честно – этому я был рад. Неспешно тас-

кал грузы, да нервы лечил. Чем? Да как обычно – пивом и женским обществом, благо подобного, я о продажной любви, было вокруг предостаточно. На каждой Станции по два, а то и три борделя. Вот я и занялся плотным изучением этой, кхм, культурной составляющей местной цивилизации. Углубляться в данную тему я, по понятным причинам, не буду. Замечу только, что справлялись со своей задачей девчонки отменно и когда Сиам навестил меня в баре Станции, принявшей меня в свои радушные объятия, пребывал я уже во вполне рабочем состоянии.

– Расслабляешься?

Поднимаю голову – стоящий напротив Сиам ставит на столик пару пива. Тёмного.

– Присесть позволишь?

Он усаживается, прежде чем я успеваю ответить.

– Садись, – запоздало пожимаю плечами, прикидывая, как он меня нашёл. Эта Станция, название которой вам ничего не скажет, располагалась в шести Вратах от Второй платформы, ставшей мне временным домом. Сюда меня занёс очередной фрахт, весьма удачный стоит сказать. Ну я и решил тут подзадержаться, отмечая хорошую сделку. Появление же Сиама застало меня в тот момент, когда я, глядя на пузырьки в своей кружке, решал важную задачу – а так ли хороши девчонки из второго борделя, чей рекламный баннер оказался прямо напротив моего столика. В первом я уже побывал и

теперь меня грыз червь сомнений, требуя провести сравнительный анализ качества услуг.

– Слышал, у тебя удачный фрахт был, – пригубив пива, он потянулся к тарелке с местными мелкими ракообразными – стандартной для подобных заведений закуски.

Молча киваю, прикидывая, как он меня нашёл. Пробил по контракту, или маячок на Аврору воткнул? Оба варианта имеют равные права на жизнь.

– Маячок? – Спрашиваю, глядя ему прямо в глаза. Игру в гляделки Сиам не принимает, но, переведя взгляд на рачка, молча кивает, продолжая сдирать с тушки остатки панциря.

– Чего хотел? – Дождавшись, когда жертва исчезнет у него во рту, вопросительно приподнимаю бровь: – Твою долю я отстегиваю, а остальное, – замолкаю и приникаю к кружке давая понять, что всё остальное отнюдь не его дело.

– Да я так, просто, – Сиам вытаскивает и кармана коммуникатор и кладёт его на стол между нами: – Поговорить. Скучно на Второй сидеть, развеяться решил.

Ага, верю. Развеяться.

Его палец касается тёмной поверхности и нас окутывает желтоватое, колыхающееся как желе, поле.

А эта штука мне знакома – купол шумоподавления. Дорогая, зараза, от полусотни тысяч и выше. Видел я её – такой приблудой серьёзные дяди пользуются, когда сделки обсуждают. Ни подслушать, ни по губам прочитать – колыхания поля так картинку искажают, что ни одному мастеру не

справиться.

– Удивлён? – Улыбается Сиам, вращая кружку меж ладоней.

– Нет, – допиваю свою порцию и подтягиваю к себе кружку, что он принёс: – Говори.

– Вот так сразу и к делу? А за жизнь перетереть, девочек обсудить?

Молчу.

– Как хочешь. – Отодвинув кружку он подпирает рукой подбородок: – А знаешь, – теперь он смотрит мне в глаза: – Я ведь кончить тебя хотел.

Киваю и пробую пиво. Ничего так, нормальное.

– Прямо сейчас собирался, или через пару заданий? – Спокойным тоном, даже чуть равнодушно спрашиваю, продолжая потягивать тёмный напиток. Бояться мне сейчас нечего – не будет же он при свидетелях меня обнулять.

– Догадался? Или подсказал кто? – В его глазах вспыхивает интерес.

– Это не сложно, – всё так же спокойно, отвечаю: – Кто я тут такой? Да никто. И, вдобавок, с потерянной памятью. Меня и искать не будут. Некому и незачем. Так?

Он прикрывает глаза, соглашаясь.

– И что помешало? – Отставляю ополовиненную кружку.

– Та Станция, куда ты силос отвозил. – Теперь его взгляд блуждает по изгибам поля за моей спиной, а на лице появляется гримаса смущения, словно ему стыдно. Ему? Стыдно?

Ну-ну... Это даже интересно.

– Я не шибко верующий, но то, что на тебе Его Знак, понял сразу. И то, что ты не наш – тоже.

– Сильно косячил? – Перебиваю его и чуть оттягиваю рукав, демонстрируя браслет: – А про знак ты прав. Я Его метину давно ношу.

– Косячил ты по мелочам, для амнезии в пределах нормы. Ты на другом спалился. Не может она, амнезия твоя, столько длиться. А ты всё ещё ничего не вспомнил. Порой так прокалываешься, что диву даёшься – ну не может человек выросший здесь подобного не знать, это же с пелёнок всем известно.

– Ага, – криво улыбаюсь: – Пелёнки! Лучший источник информации!

– Всё шутишь... – следует вполне искренний вздох: – Нет, Сэм, не бывает такого, чтобы человек азов не знал. И не спорь – я у медиков выяснял. У правильных, – последнее слово он произносит с особой интонацией, давая понять, что этот аргумент оспорить не получится: – Чтобы ТАК, – он вновь выделяет последнее слово: – ТАК не помнить, надо оwoщем стать. А ты вон – вполне успешно по системам мотаешься, да денюжку качаешь. Не сходится, – разводит он руками: – А значит – не наш ты.

– Не ваш, – киваю, соглашаясь – а чего упорствовать-то: – Только ты лишнего не спрашивай, ладно? А то сам знаешь – многие знания, суть многие печали.

– Не буду, – понятно кивает Сиам: – Только безумец полезет с вопросами к такому, – следует кивок на моё запястье.

– Про Зелёного я слышал, – поправляю рукав, скрывая браслет: – А вот про меченных Им – нет. Расскажешь?

– Сэм? – Теперь его голос полон укоризны: – Ну у тебя же позывной "Поп", а ты такие вопросы задаёшь. Опять, кстати, прокололся. Это, я про Меченых, здесь все знают.

– Может я твою веру испытываю? А, грешник? Ну ка? – Повожу рукой над столом: – Поведай мне, что тебе об отмеченных им, ведано?

Он, с пол минуты смотрит на меня выпучив глаза, а затем начинает ржать.

– Ну... Ну ты даёшь, Поп! – С трудом восстановив дыхание, Сиам приникает к кружке: – Как настоящий епископ сказал! Был я как-то на Зелёной проповеди – вот ты сейчас один в один как тот сказанул!

– Опыт, сын мой, пропить сложно, – продолжаю величественное движение и, подхватив по пути кружку, подношу её ко рту: – Но попробовать стоит! – Завершаю обыденным тоном делая хороший глоток.

Теперь ржём оба.

– Хороший ты парень, – отсмеявшись, качает головой Сиам: – Вот честно – рад, что убивать не придётся, – на миг он становится серьёзным: – Это же мне зачтётся, да? Меченый? Я только в мыслях согрешил, не сделал же?

Неопределённо качаю головой – может быть, но этот жест

его удовлетворяет.

– У тебя сейчас денег, – продолжает Сиам совершенно нейтральным тоном: – Сто тридцать три тысячи. С хвостиком. Предлагаю сделку.

Сделку? Ну-ну послушаем. Принимаю заинтересованный вид.

– Честную, – спешит он меня заверить: – Я не враг себе Меченного обижать.

– К делу. Что нужно?

– Тут немного по сложнее будет, – мнётся он и я понимаю, что речь пойдёт не о привычном фракте.

Жабы, как вы уже знаете, захватывали только тёплые, тропические планеты.

Их тактика была проста – пока силы вторжения связывали на орбите флот защитников, первый эшелон заваливал поверхность выбранного мира, дождём тектонических бомб. Не надо думать, что то были грубые орудия, проламывавшие материковые платформы до слоя лавы.

А жить потом как? Не на оплавленной же поверхности головастикам резвиться?

Нет. Их бомбы действовали куда тоньше.

Получив в свои головки результаты орбитального сканирования рельефа обречённого мира, они принимались нивелировать его. Где-то поверхность опускалась, где-то приподнималась, но результат был один – к окончанию бомбарди-

ровки вся планета превращалась в неглубокое болотце с частыми островками, на которых так удобно греться свежевывулупившимся карапузам.

Такое "болотообразование" меняло всю поверхность планетоида – жабьему оружию было безразлично что внизу – горные пики, или океанские бездны. Результат был один – неглубокое болотце, чье дно покрыто толстым слоем тёплой грязи.

Несмотря на все усилия, Имперскому флоту всего несколько раз удалось прервать этот процесс.

Правда мира, спасённые им от второй стадии атаки – орбитального икрометания, были потеряны как для жаб, так и для людей – жить на планетах, перепаханных обломками кораблей, да щедро сдобренных боевой химией, желающих, по понятным причинам, было мало.

Но, при всех прочих, это была победа людей – жабам-то эти миры не достались?

Вот.

И только попробуйте сказать, что это не победа.

Именно на такой мир меня просил, не приказывал, а именно просил, прибыть Сиам.

Некогда курортная планета, славившаяся своими пляжами, попала под атаку почти в самом конце войны. Флот Империи, получивший новые корабли и набравшийся необхо-

димого опыта, сумел достаточно быстро перемолоть прикрывавшие бомбардировщики силы и почти предотвратил полномасштабную бомбардировку поверхности.

Почти – примерно половину планеты жабам изгадить-таки удалось, оставив вторую часть практически нетронутой.

Цель миссии – сбитый бомбовоз чужих, валялся где-то на границе этих двух областей.

Со слов Сиама он упал рядом с некогда популярным курортным городком, расположившимся на берегу длинной отмели. Более точных ориентиров, увы, не имелось – всё, чем он сумел разжиться, был кусок записи видеорегистратора Имперского корабля, проследившего за падением агрессора.

На коротком, меньше минуты, видео было видно, как округлая лепёха бомбовоза, оставляя длинный хвост мутной, похожей на туман, взвеси, полого скользит по направлению к тонкой ленте белого прибоя. Острые очереди преследователя, выбивая из корпуса чужака крупные куски, бросают бомбовоз в крутое пике, не оставляющее сомнений в потере управления. Несколько секунд и лепёшка врежется в планету. Взрыва нет – корабль, поднимая в воздух комья почвы, словно плуг чертит глубокую борозду. На его пути возникают небольшие островерхие коттеджи, и он сметает их, взметая ввысь фонтаны черепицы.

Камера уходит в сторону – пилот закладывает вираж, а

когда разворот завершён, в кадре появляется разрушенный до основания городок и медленно уходящая под воду лепёха бомбовоза. Ещё один разворот – теперь о произошедшей трагедии напоминают лишь дымящиеся руины, борозда, быстро заполняющаяся мутной жижей, да нечто округло-тёмное, замершее метрах в пятистах от берега.

Картинка замирает и палец Сиамы упирается в пятно.

– Орбитальный бомбардировщик, по Имперской классификации «Нивелир», лежит на глубине не более сорока метров. От поверхности дна. Между его верхней плоскостью и поверхностью – в районе десятки – не сложная задача даже для начинающего ныряльщика. От тебя требуется попасть внутрь – дырок там более чем достаточно и вытащить наружу артефакты чужих. Любые.

– Любые? – я, подражая ему, принимаюсь крутить меж ладоней кружку: – Поясни.

– Я не знаю, что там внутри. Да и никто не знает.

Удивляюсь: – Вы что? Раньше в их кораблях не бывали? Что найти можно – не знаете?

– Бывали, – он морщится и не скрывает этого: – Но их корабли, все, без исключений – индивидуальные. Планировка, отсеки – каждый раз всё по новому. Почему? Никто не знает. Они так строят и нам их логику не понять. Есть теория, что каждый капитан так, своей планировкой, пытается призвать удачу. Но точную причину такого разнообразия, знают только они.

– Понятно, – отставляю кружку в сторону: – Значит пойдёшь туда и принеси не пойми что. Верно я задание понимаю, господин директор?

Он снова морщится: – Ну, как-то так. Сам видишь – ничего сложного. Долетел, сел на бережок, искупался, а заодно и барахла натаскал. Лёгкая прогулка – даже не знаю, за что тебе денег платить? На курорт же едешь.

– Ага, – киваю в ответ на его слова: – Знаю я такие курорты. Бывал на одном – Раем называется.

– Раем? – Он морщит лоб, но я не даю ему задуматься.

– Два вопроса, – выставляю перед ним пару растопыренных пальцев: – Первое. Почему ты уверен, что там что-то есть? Сколько лет прошло, корабль затоплен – да там сгнило и заржавело всё уже.

– Не наш ты, – кивает он: – Был бы наш – знал, что у жаб всё влагостойкое. Они же амфибии – внутри влажность сотка, или больше. Хвост на видео видел? То их внутренняя среда вытекала. Болотники они – что на планетах, что в кораблях.

Согласно киваю – да, тут я оплошал. Ясно же, что у чужаков своя среда в кораблях, мог бы и сам догадаться.

– Хорошо, – киваю: – Будем считать, что там хоть что-то – после падения и всего прочего, осталось. Я имею в виду – целым, а не перемолотым в муку. Второй вопрос. Я там что – первый буду? Нешто до меня не нашлось ушлых ребят? В жизни не поверю, что такая ценность все эти годы без посто-

ронного внимания валялась.

А вот тут-то глазки его и забегали.

Отвернувшись в сторону и бросая на меня короткие виноватые взгляды, Сиам принялся мямлить про покой погибших и прочее, в том же духе.

Слушал я его в пол уха – угу, покой погибших и давно сгинувших это да – запретно, а вот грохнуть сидящего напротив это норм.

Нормально, да? Хотя, чему удивляться? Всё от воспитания зависит – знавал я личностей, которые грохнув жертву, прежде всего молиться начинали. Не обшаривать карманы, спеша успеть скрыться до прихода полиции, а благодарственные слова бормотать.

Из этих мыслей меня вернули к реальности его последние слова, и, судя по его тону, в котором сквозило раздражение, это был последний аргумент. Последний и самый непробиваемый – с его точки зрения.

– В конце концов, Сэм! Ты же Им помечен! А Он, – последовал тычок пальцем вверх: – Он даже не закон. Он выше. Что ему наши ценности и традиции? И ему, и тебе.

Последнее было аргументом и я, мотнув головой в знак согласия, дал себя уговорить.

Не сразу конечно – кто же вот так просто соглашается на некую работу, оказавшуюся не по плечу местным умельцам?

И поломался, конечно, и поторговался – как же без этого?

Но разошлись мы вполне довольные друг другом. Результат наших прений, довольно жарких к слову, Сиам в подобных переговорах знал толк, был следующим.

До начала моего движения он переводил мне пятьдесят тысяч. Далее, я, в течении следующей недели, должен был посетить ту планету и собрать столько жабьего барахла, сколько бы мне позволили силы и моя личная жаба.

Да-да, то самое мерзкое и жадное земноводное давно и с комфортом обосновавшееся в глубинах моей души. Надо заметить, что первое время она и носа не показывала – так, разве что изредка косилась на растущий счёт, не рискуя вылезать из-за своей кочки. Ну а как же – её сородичи здесь олицетворяли абсолютное зло и ей, пусть она и была лишь плодом моего воображения, было некомфортно в подобной среде. Да и я старался придержать язык – ляпнешь что-то вроде – «Ах, дорого, меня жаба душит!», так посмотрят, как на психа – в лучшем случае, а то и вовсе – морду набьют. Вот и сидела она тихонько, лишь изредка благосклонно по-маргивая своими золотыми глазками.

Но сейчас, когда в воздухе запахло действительно хорошими деньгами, жажда наживы легко преодолела все её страхи. Потирая влажные лапки, она вскарабкалась на свою кочку и требовательно приоткрыла рот готовясь применить весь свой арсенал убеждения дабы я покинул ту планету не иначе как с трюмом, под завязку забитым артефактами со сбитого корабля.

А стараться было ради чего.

Сиам был готов с ходу отвалить не менее пяти тысяч за каждый предмет вытщенный из недр бомбовоза. Вот просто привёз десяток не пойми, чего и раз – тебе на счёт падает ещё полтинник. И это – до экспертного заключения, после которого цена могла возрасти в разы!

На этом месте меня обуяли сомнения – ну не дурак же он отваливать кучу бабла не пойми кому. Но доводы разума была немедленно отменены взмахом перепончатой лапки с жадно подрагивавшими пальчиками.

В мечтах – прошу заметить, в её мечтах, не моих, рядом с Авророй возвышалась гора непонятных деталей, раз так в несколько превосходящей своими габаритами корпус корабля. На вершине, разумеется, восседала она, с недовольным видом наблюдая за моими потугами запихнуть нечто явно, прошу прощенья, невпихуемое в более чем скромный трюм.

Но, должен признать, толк от её мечтаний был.

То, как легко меня нашёл Сиам, не могло не привести на безрадостные мысли. Ведь если он так легко поставил на мою собственность сначала сканер, а после и маячок, или наоборот – последовательность большой роли не играет, то что ему мешало разместить на борту и менее мирный сюрприз? Если не и со злости – его я не подводил, то из-за банального любопытства – а что будет с Меченым, когда у него под задницей рванёт нечто эдакое? Да помощнее?

Да, респ должен сработать. Но что я знаю об его механике, если даже в моём мире были варианты его блокировки? Может и тут что подобное есть? Неизвестное мне?

Можете называть и считать меня параноиком – не обижусь. Я же жив всё ещё? А значит и паранойя не лишняя при моём образе, кхм, существования.

В общем Аврору надо было менять.

На что?

Конкретных мыслей по данному вопросу у меня не было. А раз нет, то надо лететь туда, где можно руками потрогать – руки, они вернее всяких брошюр скажут стоящая перед тобой вещь, или так себе – красивая обманка.

Распустить руки я решил на Станции системы Унис.

Критерии выбора были просты до безобразия – во-первых, до неё было всего двое врат, а во-вторых я её сканил примерно неделю назад, пролетая сквозь неё во время очередного фрахта. Торговый сканер, послушно выдав полученные данные, чуть погодя высветил примечание – что-то наподобие рекламы. В коротком сообщении – всего две строки, говорилось о мега скидках на корабли среднего и тяжёлого классов. Не став лично проверять ситуацию тогда – сроки фрахта поджимали, я, тем не менее, сделал себе зарубку на память, благо уровень честно заработанного уже вплотную подходил к отметке первой сотни тысячи кредитов.

Сейчас же, получив от Сиама предоплату – в этом он ме-

ня обманывать не собирался, счётчик богатства замер в районе ста восьмидесяти трёх тысяч, позволяя коротать время полёта сладкими мечтами о новом корабле.

В ангар на сей раз садиться не стал. Зачем мне лишние траты, да и шёл порожняком. А посему, стоило только захватам щёлкнуть, фиксируя Аврору на платформе, как я выбрался из кресла, проверяя рубку на предмет забытых вещей, благо всё не забытое вполне свободно поместилось в моих карманах – особо обживатьсь да обзаводиться имуществом я не спешил.

Постоял немного, прощаясь с кораблём, да и выбрался наружу, понимая, что тянуть особого смысла нет. Ну да, жалко, первый мой здешний кораблик.

Но всего лишь первый – сколько их впереди?

Кому то ведомо? Что не мне – точно.

Задраил люк, погладил опору и вперёд, на поиски нового друга. А этот пусть постоит, мало ли что, может ещё и свидимся – судьба свободного пилота такая – полная непредсказуемых поворотов.

Станция встретила меня неожиданной тишиной – ни тебе толчеи, ни суматохи, коей я вдосталь наелся на других её собратях. Спокойно прошёл зону посадки-высадки, миновал зал-жральню.

Уж простите, но эту зону Станции я именовал именно так.

Каждый раз, когда я оказывался тут, в этом зале, столики, стойки и все иные места, хоть как-то позволявшие разместить на себе поднос, или хотя бы тарелку с едой, были заняты. Можно было подумать, что тут собираются либо в край оголодавшие люди, либо мастера скоростной жратвы, разминающиеся перед соревнованием. Подобные, псевдо спортивные, мероприятия, прошу прощения, что отвлекаюсь, не вызвали у меня ничего кроме отвращения. Вот не понимаю я удовольствия наблюдать затем, как люди, перемазываясь в соусах и подливах, торопливо суют в рот куски еды, давясь от желания как можно быстрее протолкнуть их в глотку. Нет, чтобы не спеша, отрезая аккуратные кусочки, наслаждаться процессом. С соответствующим моменту напитком и перекурами с беседой и доброй сигаретой. Это я понимаю.

А так? Быстрее! Больше! Глубже! Бррр....

Нет, я уж лучше что-либо другое посмотрю.

В общем это место Станции не входило в круг моих любимых – если хотелось есть, то я предпочитал пройти подальше, да спуститься на пару уровней – туда, где, на палубе, предназначенной для пилотов и местного персонала меня поджидали гостеприимно приоткрытые двери местных кабачков и кафешек, готовые предоставить как еду, так и интересную беседу.

Торговая зона встретила меня всё той же пустотой и спокойствием. Не стояли подле витрин, неспешно обсуждая до-

стоинства и недостатки товара, ветераны космоса. Не плющили о стекло носы, вырвавшиеся из-под родительской опеки мальчишки – будущие покорители пустоты.

Нет. Сегодня здесь было пусто, тихо и, как по мне, то возможно.

Увидев в глубине одного из нужных мне лабазов неявное шевеление, подхожу к проёму. Над ним разбираю надпись – чтобы её прочитывать приходится изрядно потрудиться – подсветки нет и буквы, едва выдающиеся на плоскости проёма, с трудом складываются в название заведения – "Мягкий Старт".

Раздвигаю обесточенные створки.

– Кого там несёт? – непонятная, какая-то расплывшаяся по конторке масса медленно поднимается вверх, превращаясь по мере движения в подобие человеческой фигуры. В её верхнюю половинку.

– О! – Подхожу ближе: – Ни как живые есть?

На форменной, слегка помятой курточке проглядывает эмблема – вписанный в круг кораблик и надпись кругом – "Мягкий Старт Вам Рад".

– Что-то не похоже, – показываю пальцем на нижнюю часть надписи – ту самую, что о радости говорит.

– Чего? – Он непонимающе косится вниз и догадавшись о чём идёт речь сонно отмахивается: – Рады. Точно. Только не сегодня.

– Чего так? Или у вас выходной? Так табличку бы какую повесили.

– Послезавтра, – зевая он машет рукой куда-то вниз: – Начало квалификации на Круг Сэттона.

– Какой круг?

– Ты чего, командир?! – От удивления он даже начинает просыпаться и зевая трясёт головой: – Круг Сэттона же, – зевая: – Эээээ... Говорю же. Квалификация.

– Ааа... Так бы и сказал, – делаю вид, что понял, хотя ясности от его ответа ноль целых и много нулей дальше, после запятой: – Не разобрал. Да и не увлекаюсь я кругами этими.

– А чего тогда припёрся? Да ещё так заранее? Нееее! Хитришь, приятель? – Менеджер шутливо грозит мне пальцем: – Хочешь трассу пока тихо пройти, да?

– Ну... – развожу руками, делая вид, что он меня раскусил: – Ну... А чего такого? Разве это запрещено?

– Гонщик. – Теперь в его голосе слышится уважение, смешанное с завистью: – Я тоже, как на Сто Сороковой накоплю, займусь! Лучшая модель для планетарных гонок! А ты на чём идёшь?

– Да я так, – пожимаю плечами: – Сам-то не очень.

– Так ты из команды? Поддержка или техник? – Сна нет и в помине – он внимательно разглядывает мой скафандр: – Хм... Погоди... Без эмблем, старого образца. Интересно...

– Да я... Мне...

– Не говори! Дай догадаться!

– Мне корабль нужен! – Перебиваю его я: – Мне. Лично. Продашь?

– Какой?

– А что есть?

– У нас есть всё! – его рука проходит над конторкой и в воздухе повисают полупрозрачные силуэты самых разнообразных кораблей. Преимущественно одноместных и, судя по их вытянутым обводам, скоростным атмосферникам.

– Крупнее есть?

– Бюджет? – Окидывает продавец меня заинтересованным взглядом: – Сколько готовы потратить? Главный приз, напомним, пять миллионов, ради такого куша не грех и мощной тряхнуть.

– Сто тридцать.

– Всего? – Следует разочарованный вздох: – С таким бюджетом не погоняешь.

Большая часть кораблей исчезает, оставляя на виду только две модели – Фрилансер и Созвездие.

– Фрила брать не советую, – перехватив мой взгляд качает головой менеджер: – Динамика разгона никакая. Это после, когда раскочегарится, тогда да, а при старте без шансов.

– А Созвездие? – Вспомнив комикс с гонками, добавляю: – Она в кольцо пролезет?

– Кольца адаптируются, пролезет. Впритир конечно. Да и старт у неё что надо – с места просто птицей летит. Так что сразу вырваться получится. А вот дальше, на маневрах,

сложно будет. Туговата она. Зато столкновений можно не бояться, – подмигивает он мне намекая на жёсткую борьбу гонщиков, так хорошо изображённую всё в том же комиксе.

– Сколько?

– Сто тридцать в базовой.

– В базовой? – Стандартную комплектацию брать не хочется – слишком хорошо знаю, что это такое. Замолкаю, и чуть склонив голову выжидательно смотрю на него и сквозь него, переводя взгляд от его плеча куда-то поверх головы.

– Вы от кого?

Интересный вопрос. Сказать, что от Сиама? А он тут кто? Нет, не прокатит. Но ведь ясно, что дело тут нечисто. Хотя... Чему удивляться – это же спорт, а там, в мутной воде ставок, много тёмных личностей крутится. Так что выбираю другой путь – молчу, и лишь вновь повожу глазами от его плеча и вверх.

– Я же так не могу! Скажите – от кого вы?

Ага... Повёлся. Сто против одного – он меня за посыльного, или за доверенное лицо некой личности принял. Ладно, дорогой мой, поиграем.

Продолжаю молчать, лишь чуть-чуть, на миг прикрыв глаза.

Продавец внимательно смотри на меня ожидая подсказки, или пароля.

Молчу.

А чем я не рискую? Да ничем. Ну не примет меня за сво-

его – выгонит, пойду в другую лавку, или вообще, на другую Станцию смотаюсь.

Примет – чего бы и не воспользоваться оплошностью? Тем более, что кораблик у него подготовлен явно не стоковый. Его судьба меня интересует мало – произошедшее будет хорошим уроком, если он выживет, конечно.

– Могли бы и сказать, – обиженно бурчит продавец, продолжая принимать меня за своего. Что ж – его слова, его выбор.

Безразлично пожимаю плечами – мол ты тут стоишь, ты и думай, мне-то что.

– Здесь прослушки нет, – он чуть расслабляется, уверяя себя, что я именно тот, кого он ждал – ну не будет же случайный посетитель так себя вести: – Точно нет! Я проверял!

– Это хорошо, что нет, – говорю тихо, едва-едва разжимая губы: – Но к чему искушать искушённых? Особенно в преддверии гонок. Вы меня понимаете?

– Да, вы правы, здесь лишний шум не нужен, – во взгляде продавца сквозит облегчение, словно я сказал то, что он давно жаждал услышать. Лёгкое движение руки и над столом загорается модель Созвездия.

– Вот. Ваш корабль. Забирайте.

– Сколько?

– Игруем роль до конца? Как скажете, – пожимает он плечами, доставая планшет: – Сто шестьдесят две. Платите, если так хотите. Корабль на второй площадке.

Соблазн вот так просто взять корабль и уйти велик, но к чему перегибать палку?

Оплачиваю и кивнув на прощанье, покидаю магазинчик.

Уже за порогом, сквозь мягко сомкнувшиеся створки, оглядываюсь – менеджер, явно спеша выпастся про запас, укладывается на своей конторке. Ну спи, дорогой, спи. Пробуждение у тебя, уверен, будет не самым приятным.

По дороге к нужной платформе прокручиваю произошедшее в голове.

Будут ли мне мстить?

Нет, это вряд ли.

В лучшем случае нож в бок сунут. Ну да это ещё сумеет надо, я тоже не из мальчиков уже. Да и что с того? Убьют – реснусь. Законопатят куда ни будь в каменный мешок? Убью себя, это не сложно, когда знать, как. А там и рес, опять же. Да и не будет никто заморачиваться – гонки на носу, не до гастролера, обведшего их вокруг пальца. Поищут-поищут и бросят.

Не спорю, могут и на принцип пойти, но стоит ли оно того?

Не знаю.

Вот в моей бы реальности я бы так не рискнул – повесили бы награду за голову – так за мной бы все отморозки родного пузыря охоту начали. Так то там.

А здесь в космосе – ни-ни, как можно ж?! Атаковать че-

ловеческий корабль?! Избавь, Зелёный нас, от подобного!

Так что – только перо в бок. И только на Станции, или на планете. Неприятно, не спору, но не смертельно. Это я про окончательную смерть.

Да и по линии официальных обвинений им не пойти – вот там меня реально засадить, или на рудниках сгноить могли бы.

Вот только в чём меня обвинить?

Угу, в чём именно, ваша честь?

Корабль-то я вполне официально купил, какие ко мне претензии? И оплатил. Всё по закону.

Так, неспешно беседа сам с собой, я добрался до шлюза, над которым ярко-синей краской горели цифры 1, 2 и 3.

Захожу внутрь и прикладываю ладонь к экрану, ожидая начало процесса выхода в пустоту.

Ничего не происходит.

Что за?!

Поднимаю ладонь – может приложил не так? Неровно?

Хм...

На панели горят два квадратика – «Аврора – 4» и «Созвездие – 2».

Ага... Это номера площадок, где корабли стоят. И что мне с того? Жму ту, где Аврора – квадратик с Созвездием пока не трогаю, мало ли что не так сделаю, зачем новым кораблём рисковать?

Квадратик уползает наверх экрана, а под ним проявляются ещё три.

Левый – «Хранение», правый – «Утилизация» и «Перегон» посредине.

Нет, вот утилизация мне точно не подходит. Перегон – тоже. Жму «Хранение». Правый исчезает, но только чтобы освободить место двум новым, расположенным друг под другом – «Хранение» и «Ответственное хранение». Пожимаю плечами и прижимаю пальцем нижний, тот что про ответственное говорит.

Экран смаргивает и на нём высвечивается табличка – 1 день, 10 дней, месяц и год. Это слева. Справа, прямо напротив сроков, цены. Всматриваюсь.

Так-с... А что? Недорого!

Сутки – пять кредитов, десять дней – дюжина. Месяц – полтинник. Год – две двести пятьдесят.

Нормально, это я потяну.

Выбираю год – средства позволяют, да и мало ли что за такой срок случится? Всякое в жизни пилота бывает, особенно когда тот не на окладе сидит. Прижимаю руку к появившемуся силуэту ладони и комм в набедренном кармане вздрагивает – не иначе как уведомление о списании средств пришло.

Экран снова смаргивает и теперь там только силуэт ладони.

Ясно – с кораблями разобрались, можно и наружу выби-

раться.

Хлопаю по нему пятернёй, и автоматика запускает процесс шлюзования, отсекая меня от внутренних Станции.

Пока бреду к кораблю, следуя за ярко-синей стрелкой, соображаю.

А верно ли я поступил? Может вернее было б утилизировать? Но, чуть подумав, решаю, что всё сделал правильно.

Вот начнут те дяди копать – те, у которых я сейчас Со-
звездие уведу, и что? Выйдут на Аврору. Угу. А с неё на ко-
го? А на Сиама. Вот пусть он с ними и разбирается.

Мои дальнейшие умозаключения были остановлены возникшим прямо перед носом бортом корабля. Стрелка, радуясь окончанию работы, чуть приподнялась и указав остриём на панельку подле моей головы, исчезла, оставив после себя лишь квадратик текста, который растворился в пустоте едва я успел прочитать стандартное приветствие, или прощание. Мол мы вам рады, заходите ещё, или что-то подобное – я особо не вглядывался.

По понятным причинам. Мне не до того. Я, задрав голову и чуть отступив, во все глаза разглядываю своё приобретение.

Корабль здоров, нет, да что там здоров – он огромен!

Его блестящее матовым серебром тело тянется на добрую сотню метров. Массивные трёхпалые опоры уверенно попирают поверхность площадки и я, не сдержавшись, подхожу

к одной из них, по-хозяйски оглаживая рубленную поверхность ближайшей. Где-то впереди сверкают никелировкой профиля остекления рубки, но сейчас не время любоваться кораблём. Зачем искушать судьбу, задерживаясь здесь – не ровен час и тот, кому предназначено это чудо заявится сюда и тогда...

Поспешно прижимаю ладонь к панели и из брюха Созвездия, в каких-то двух шагах передо мной, опускается небольшая платформа лифта.

Запрыгнув на неё жму кнопку со стрелкой вверх. Есть! Работает!

Лифт быстро втягивается в корпус и стоит ему занять нужное положение, как меня накрывает волна белого пара, или газа.

Хм? Обеззараживание? Однако!

С каждой секундой это техническое чудо нравится мне всё больше и больше.

Левый огонёк в шлеме зеленеет и, одновременно с ним, втягивается в стенку дверь шлюза, разрешая мне пройти внутрь.

Коридор.

Неширокий, но, в общем-то и не узкий, двоим разойтись вполне можно. Даже не вжимаясь в стенку. На обоих концах – двери. Та что по левую руку, она ведёт в машинное – план Созвездия я изучил уже давно, та дверь закрыта, но мне туда

и не надо. Сейчас не надо.

Направляюсь к правой – она приоткрыта и за ней проглядывают очертания пилотского кресла. Почти бегом иду в рубку – моя чуйка требует немедленного взлёта, а доверять ей я привык. Оставляю без внимания двери, ведущие в каюты и склады – всё потом, успею ещё.

Забираюсь в кресло, пристёгиваюсь и кладу руки на рычаги.

– Диспетчер?

Справа появляется экран с очертаниями Станции.

– Прошу взлёт.

– Взлёт подтверждаю, – сонный, лишённый эмоций голос возникает в шлеме.

Ряд щелчков – корабль разблокирован и платформа медленно уплывает куда-то вниз. Гранённый кристалл рубки сильно вынесен вперёд – моё кресло словно висит в пустоте, окружённое со всех сторон стёклами кабины.

Тяга, поворот джоя и, пока Станция растворяется где-то за кормой, карта сектора. Надо делать ноги. Быстро прокладываю маршрут.

Готово! Последнее нажатие – прыжок и гладь Врат.

Ушёл! Не успели перехватить – уж не знаю почему, но вот было чувство, что задержись я там ещё немного и на платформу вывалится десяток громил, размахивающих разнообразным оружием.

Не вывалились.

Переход.

Всё. Вот теперь точно ушёл – другая система, другая юрисдикция.

Следующие несколько часов я метался по сектору путая следы. Сменил систем так семь, или восемь, прежде чем очередные ворота не выбросили меня в транзитную систему без единой планеты. Умиряющее, тусклое солнце и много, очень много астероидных поясов.

Прыгаю меж них, сбивая возможных преследователей с толку. Зачем? Сам не знаю – других кораблей здесь нет.

Прыжок и Созвездие оказывается на дальнем краю системы.

Просто лечу прочь от груды камней, до упора выжав тягу и подбадривая своего коня ожогами форсажа. Останавливаюсь, когда пояс скрывается из виду на радаре – его я в среднее положение выставил.

Вот теперь – ищите. А найдёте, и что делать будете? Не атаковать же? Нет, такое здесь не принято.

Значит, что?

Значит – на борт проситься будете. Точно. Иначе ни как. Ну, попробуйте. Я хорошо помню, что мне мама говорила насчёт незнакомых дядь и тёть, стучащихся в дверь. Стучите-стучите, не открою, мама не велела.

Тягу в ноль, габаритные огни выключить. Радар – в пассив.

Всё. Теперь меня можно обнаружить только случайно наткнувшись, а это ещё та, исчезающе малая вероятность. Щёлкаю замками и кресло, точно поняв, чего я хочу, разворачивается вокруг оси. Освещение рубки, и без того приятно приглушённое, тихо гаснет, переходя в эконом режим – что же, вот теперь можно заняться осмотром моего приобретения.

Ознакомление начинаю с машинного отделения. За дальней дверью коридора обнаруживается небольшая, в четыре ступеньки, лесенка, сбегав по которой я оказываюсь в сердце корабля.

Что-то негромко жужжит, попискивают неизвестные мне датчики и лампочки, спокойно перемигиваются друг с другом неяркими зелёными и жёлтыми огоньками. Я ни разу не техник и с трудом смогу отличить реактор от накопителя, но сейчас это неважно.

Здесь хорошо.

Тут пахнет тёплой смазкой и я, откинув на спину шлем, набираю полную грудь воздуха, спеша принять в себя часть дремлющей тут силы.

Хорошо.

Густые волны знакомых запахов слегка кружат голову, отчего я, против своей воли, приникаю лбом к округлому козуху одного из главных двигателей. Он мелко-мелко дрожит и эта дрожь, эти вибрации живого и здорового механизма го-

ворят мне куда больше чем высвечиваемые в рубке таблицы.

Молча глажу его бок.

Всё хорошо, дорогой мой, всё хорошо.

Ты подреми пока, а скоро, вот только дай мне время освоиться, возьму рычаги в руки и пришпорив тебя, брошу нас к новым, неизвестным и неизведанным далям.

Тихо, стараясь случайным шумом не потревожить дремлющую здесь силу, поднимаюсь по ступенькам и осторожно задраиваю дверь.

В машинном – порядок!

Можно двигать дальше.

Дальнейший осмотр выявляет всё новые и новые детали, обнаружение которых сильно повышает градус моего настроения.

Каюта с персональным сортиром и душем! Видно военное влияние – откидная койка имеет самый аскетический вид, но это мелочь – заменить на что-то приличное дело пяти минут.

Кают-кампания со столом, электроплиткой, шкафчиками, мойкой и холодильником – красота! Правда, что шкафы, что холодильник пусты, но это не проблема. Первая же Станция, оказавшаяся у меня на пути, легко решит эту проблему. Ну а день другой я и на консервах продержусь. Благо прихватил с собой несколько банок. Ещё один санузел, пусть и совмещённый, но с ванной! С ванной на космическом корабле! Представляете?! Я – нет. Поверил только когда в неё забрал-

ся. Как был – в комбезе. Скафандр я в каюте оставил. Без воды конечно. Хоть я и псих, но не настолько же!

Ещё одна дверь открывала доступ в трюм.

Как-то он мелковат – ну вот не верю я, что сюда тридцать три тонны запихнуть можно. Свинца, или золота слитками – да. А вот ставшими мне уже привычными за время фрахтов ящиками – сомнительно.

Меряю длину трюма шагами и только достигнув дальней стенки замечаю неприметную дверь. Они тут что? Поделили его на два отсека? Нахрена, спрашивается – грузовой люк ведь один, вон он, в борту. Откидной. И люк, и аппарель сразу.

Кручу штурвальчик. Странно – зачем здесь герметичная дверь? Люк начинает открываться и тут в моей голове молнией проносится ряд мыслей.

Чёрт! Герметичный! Там что – вакуум? А скафандр – в каюте! Блин! Влип, дурак! – Этот поток обдаёт меня холодом, но ему на смену уже спешит успокоительное тепло, несущее в себе расслабление и спокойствие.

Нет! Будь там вакуум – хрен бы ты отдраил эту дверку. Про давление забыл?

Забыл, киваю сам себе и решительно откинув створку, переступаю через невысокий бортик комингса.

То, что обнаруживается внутри, моментально наполняет

картину участия этого корабля в гонках, кристальной чистотой.

Посреди отсека, точно на створках врезанного в корпус люка, стоит узкое тело скоростной, если не сверхскоростной машины. Игла, или стилет – другие сравнения мне на ум не приходят. Острый нос, короткие треугольники кормовых крыльев, крохотная кабина, накрытая прозрачным колпачком – только-только голове в шлеме поместиться, и огромная дюза одного, но сверхмощного, двигателя.

План неведомых мошенников, нашедших лазейку в правилах, был прост и незатейлив.

Конечно, куда Созвездию тягаться со скоростными аппаратами, заточенными под гонки? Шансов ноль целых, ноль десятых. Но зато, обладая несокрушимой, по сравнению с ними, бронёй и запредельной, опять же по сравнению с остальными гонщиками массой, она могла легко передавить их всех уже при первых минутах старта. Разгон-то, он не мгновенен. Ну не передавить – зачем лишняя кровь, так любимая публикой? Вытеснить с трассы, не пустить в кольцо, заняв его своей тушей – вариантов много. Ну а как ближе к финишу – так тут скоростной сюрприз делом займётся.

И ведь всё законно – регистрируется на гонки пилот.

Не корабль.

Кораблей, у одного гонщика, много может быть. Солнце светит – один, дождь там, или снег – другой. А вот скажем для трассы в пространстве вулканической планеты, с ча-

стыми выбросами камней, да фонтанами гейзеров – третий. Смотрел я эти гонки пару раз – зрелищно, не спорю. Даже желание возникало участие принять. Чем я хуже? Только, разве что, отсутствием подходящей машины.

Отвлёкся, виноват.

Продолжаю.

Вот выйдет это Созвездие на финишную прямую – пилот раз и в эту малютку. Сам-то корабль дальше полетит – на то автопилот есть. А вот он, в этом стилете, мигом всех обойдёт. Скорость Созвездия, да плюс мощь огромного движка – это, скажу я вам, ещё тот аргумент.

Конечно, я даже не сомневаюсь, что правила после поправят.

Но так-то после. А сейчас – извольте пяток лимонов отсыпать. Про ставки и вовсе промолчу – кто ж на заведомого аутсайдера поставит? И тут – хоп! Сюрприз...

Отойдя к стене, я рассматриваю скоростные обводы малютки. М-да... И не придерёшься. Это Созвездие из редкой, «Адмиральской», серии. Их выпустили немного – около пары тысяч. В своей нормальной комплектации она несла небольшой, хорошо бронированный бот на четырёх человек. На случай непредвиденной ситуации при транспортировке большого чина. Само Созвездие должно было принять бой, а бот – удрать, спасая ценную тушку. Ну а то, что ребятки сменили бот на эту игрушку – так на то запрета нет. Это же

часть корабля? Часть. Вот и поменяли один агрегат на другой. Без смена основного функционала. Законно же!

Ещё раз хмыкнув их изобретательности, покидаю мини-ангар.

Да уж... Этот кораблик полон сюрпризов.

Но – хватит на сегодня, денёк и так насыщенным выдался.

Не спеша перекусываю разогретыми консервами, запивая простой, даже негазированной водой.

Эх... А ведь мог бы и пару банок пива взять! Не подумал. Ну да ладно – денёк переживу.

Уже засыпая на узкой койке, любуюсь перемигиванием звёзд сквозь стекло небольшого иллюминатора, обнаружившегося в изголовье кровати.

Впереди – путь на бывший курортный мир, несложная, мне хочется на это надеяться работёнка и...

И свобода. От обязательств.

Ловлю себя на мысли, что вот же чёрт – соскучился! Нерельно соскучился по свободе. Как в выборе пути, так и действий. А жизнь-то – налаживается!

Глажу борт корабля.

Ничего мой хороший, сейчас последнее задание Сиама сделаем и всё. Вперёд – куда глаза глядят.

Звёзды продолжают свою игру, но мне уже нет до них дела. Я сплю и только моя жаба бдит. Сидя на своей кочке она задумчиво смотрит в глубины болотца, подкидывая на ладо-

ни жёлтый кругляшок монетки.

Глава 6

Поток розоватого, словно стеснявшегося своей невинности, утреннего тумана, неспешно тѣк в сторону моря, начиная свой бег где-то в глубинах поросшего бледно синей, почти зелѣной, растительностью луга.

Он спешил на randevу с прибором.

Таким же невинным и прозрачным, тихо накатывавшимся на песчаный пляж.

Жаль, но их встрече не было суждено состояться.

Охранявший берег ветерок рвал в клочья розовые потоки и те, словно готовясь к следующему дню, летели назад, цепляясь за тонкие стебельки местной флоры, где и повисали, становясь похожими на куски сахарной ваты вырвавшейся из рук нерадивого ребѣнка.

С крыши Созвездия было хорошо видно их противостояние, позволяя мне, комфортно устроившемуся на выступе верхнего люка, наслаждаться утренними часами потягивая свежезаваренное кофе.

Прибыл сюда я ещё вчера, но будучи по-настоящему очарованным местными видами совсем не спешил лезть в воду.

Планета, она была второй от местной звезды, обычного жѣлтого карлика, называлась Грохиль, с порядковым номером два. Единичку забрал себе ближайший к светилу пла-

нетоид – ничем не выдающийся ком пережжённого шлака, не годный даже для посадок вследствие общей рыхлости поверхности.

А вот второй номер – да, это была настоящая жемчужина, словно специально определённая Творцом на место курортного мира, собранного им из теплых и мелких морей, бесконечных песчаных пляжей и равнин, поросших густой, сине-зелёной, травой.

Таким он и был, пока на его орбите не появились флоты противостоящих друг другу рас.

И эта встреча оставила здесь свой, надо признать весьма неожиданный след – планетоид был словно слеплен из двух половинок, соединённых вместе несмотря на просто кричащие противоположности.

Подлетая к Грохилу-2, я даже притормозил, не желая верить своим глазам.

Если верхняя часть глобуса была затянута плотным слоем облаков, то нижняя, всё то, что располагалось к югу от экватора, было залито солнцем, не имея даже намёка на тень.

Только пробив облачный пирог северного полушария, я понял причину происходящего. Или не понял – я же не высокоблбый умник, куда мне до подобных рассуждений и построений.

Так вот – всё скрытое тёмной пеленой можно было охарактеризовать одним словом – болото. Редкие островки рас-

тельности, ещё более редкие озёра и реки – поверхность под кораблём просто поражала своим однообразием.

Добавьте к этому постоянный тёплый дождик, обилие насекомых и хоп! Картина жабьего рая готова.

Запускайте головастика и ждите, когда из них выйдут полноценные граждане амфибийного сообщества.

Резким контрастом с северным было южное полушарие – то самое, чью поверхность удалось отстоять флоту Империи. Жаркое солнце, чистейший песок пляжей и хрустально, неправдоподобно чистое море. Курорт. И не может быть в этом никаких сомнений.

Причина же такого контраста двух полушарий, как мне казалось, была на поверхности.

Моря. На его ровной глади.

Поднимаемые солнцем пары летели в сторону тёмной стороны, где проливались бесконечными дождями радуя всевозможных moskitov и прочую фауну. Как по мне, так это была вполне рабочая гипотеза, объяснявшая такой контраст планетарного масштаба. А может и нет, мне-то почём знать? Пилот я, а не климатолог, или как их там называют... Гипотезу я родил, а верная она, или нет – не мне судить. Мне и её хватало.

Ещё нарезая круги над поверхностью планеты, я взял пробы воздуха – надо же знать, какие опасности могут подстере-

гать отважного исследователя, дерзнувшего ступить на руины опалённого огнём войны мира.

Кто этот смельчак – уверен вы поняли. А что такого?

Как же про себя-то любимого, и красного словца не прибавить?

Имею право. Скромность, она хороша и украшает, но это когда иных красотостей нет.

Ну, если по-честному, то пробы взял не я. Стоило только Созвездию снизиться примерно до километра, как на правом экране принялись бежать строки отчёта атмосферного анализатора. Буду честным ещё раз – я и не подозревал, что он у меня на борту есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.